

18+

ЖАН-БАТИСТ КРЕВЬЕ

**ИСТОРИЯ
РИМСКИХ
ИМПЕРАТОРОВ
ОТ АВГУСТА
ДО КОНСТАНТИНА**

ТОМ 3. КЛАВДИЙ
(ПРОДОЛЖЕНИЕ), НЕРОН

Жан-Батист Кревье

**История римских императоров
от Августа до Константина. Том
3. Клавдий (продолжение), Нерон**

«Издательские решения»

Кревье Ж.

История римских императоров от Августа до Константина. Том 3. Клавдий (продолжение), Нерон / Ж. Кревье — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-658702-1

Работа Кревье остается ценным артефактом историографии XVIII века, отражающим современные идеалы и научную практику. Издание Дидо 1824 года подчеркивает его непреходящую актуальность в послереволюционной Франции, соединяя мысль Просвещения и зарождающийся романтический интерес к античности. Современному читателю оно позволяет взглянуть на эволюцию исторической литературы и культурные приоритеты эпохи Кревье.

ISBN 978-5-00-658702-1

© Кревье Ж.
© Издательские решения

Содержание

Клавдий	6
Продолжение первой книги	6
§ II. Краткое описание Британии	6
Книга Вторая	25
§ I. Брак Мессалины с Силием	25
§ II. Смуты и революции в Парфянском царстве	35
Конец ознакомительного фрагмента.	49

История римских императоров от Августа до Константина Том 3. Клавдий (продолжение), Нерон

Жан-Батист Кревьё

Переводчик Валерий Алексеевич Антонов

© Жан-Батист Кревьё, 2025

© Валерий Алексеевич Антонов, перевод, 2025

ISBN 978-5-0065-8702-1 (т. 3)

ISBN 978-5-0065-8411-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Клавдий

Продолжение первой книги

§ II. Краткое описание Британии

Истинное название острова, который мы называем Британией, в древности было Альбион. Поскольку он является крупнейшим среди Британских островов, имя Британия закрепилось за ним, и ни один из упомянутых мною авторов не называет его иначе. Мы добавили к нему эпитет Великая, чтобы отличить от Бретани – провинции Франции, получившей своё название из-за бриттов, которые переселились туда в середине V века, изгнанные из своего острова англами и саксами, народами германского происхождения.

Я не стану останавливаться на описании местоположения Британии, как его определяли древние. Мы знаем её гораздо лучше них, а их представления были настолько неточными, что большинство полагало, будто она обращена к Испании на западе [1]. Они едва ли знали, что это остров; и хотя наиболее просвещённые среди них – Цезарь, Страбон, Помпоний Мела – говорят об этом без тени сомнения, для простых римлян это оставалось загадкой вплоть до того момента, как флот Агриколы при Веспасиане не обогнул её. Равным образом бесполезно пересказывать здесь их записи о климате, злаках и плодах, которые производит эта земля. Они не могут сообщить нам ничего нового по этим вопросам.

Этот большой остров, уже тогда чрезвычайно населённый, вмещал множество народов, отличавшихся друг от друга и даже имевших разное происхождение. Те, кто населял центральную часть острова, считали себя рождёнными от земли – то есть потомками древнейших жителей страны, чьё происхождение было забыто. Каледонцы, обитавшие на самом севере, по словам Тацита, благодаря высокому росту и светлым волосам, по-видимому, должны считаться выходцами из Германии. В силурах он усматривает сходство с испанцами – из-за смуглого цвета кожи и кудрявых волос; к тому же земли, которые они занимали у реки Северн, ближе к Испании, чем любая другая часть острова. Бриты, жившие рядом с Галлией, походили на галлов. Цезарь утверждает, что всё побережье этого региона было заселено переселившимися белгами, которые сохраняли названия племён, от которых произошли. Тацит добавляет и другие сходства: те же религиозные обряды, та же приверженность суевериям; язык, почти не отличающийся; одинаковый характер – отвага перед лицом опасности и робость, когда она наступала. Однако он замечает, что бриты сохранили больше гордости, поскольку ещё не были изнежены, как галлы, долгим миром. Можно отметить и другое различие: Гораций изображает бритов недружелюбными к чужеземцам [2], тогда как галлы, напротив, всегда радушно их принимали.

Если допустить различие в происхождении народов Британии, то естественно предположить его и в обычаях. Однако греческие и римские писатели не обладали достаточными знаниями об этой стране, чтобы подробно описывать эти детали. В целом они сообщают, что нравы бритов были очень просты и сохраняли всю грубость дикой, необузданной природы. У них есть молоко, – говорит Страбон, – но многие настолько неискусны, что не умеют делать из него сыр. Они не знают садоводства, а некоторые – даже основ земледелия. Цезарь также утверждает, что жители внутренних областей острова не сеяли хлеб. Они питались молоком и мясом своих стад, а также, вероятно, дичью – за исключением зайцев, которых избегали из суеверия. Они также считали запретным есть кур и гусей, хотя разводили их для забавы. Их одежда, столь же простая, как и пища, состояла из звериных шкур; их города представляли собой большие загоны посреди лесов, огороженные изгородями, окружённые рвами и напол-

ненные хижинами, куда они в случае нашествия сгоняли свои стада. Их обычные жилища, возможно, были удобнее и менее примитивны. Цезарь упоминает их постройки, которые, по его словам, похожи на галльские. Он приписывает им ужасающее отсутствие естественной стыдливости в вопросах брака: Они живут, – говорит он, – по десять-двенадцать мужчин вместе – братья, отцы, дети – с таким же или большим числом женщин; и дети, рождённые от этих отвратительных союзов, считаются принадлежащими тому, кто взял мать в жёны, когда она была ещё девственницей. Страбон сообщает почти то же самое о жителях Ирландии. Св. Иероним [3] свидетельствует, что в его время такой же обычай существовал у варварских народов, населявших север Британии, и добавляет, что они ели человеческое мясо.

Во времена Цезаря бриты были настолько бедны, что имели лишь медные или железные монеты. Цицерон [4] также пишет в своих письмах, что у них нет ни золота, ни серебра. Однако Страбон и Тацит упоминают, что на острове были месторождения этих металлов – вероятно, небогатые. Олово Корнуолла, и сегодня столь ценное, в древности составляло главный предмет торговли Британии. Эта торговля очень древняя, и долгое время финикийцы монополизировали её. Они отправлялись за оловом на Касситериды [5] – возможно, это и есть Корнуоллский полуостров, который из-за несовершенных географических знаний древние считали окружённым морем со всех сторон. Они так ревностно охраняли эту торговлю от других народов, что, по словам Страбона, один финикийский кормчий, заметив, что за ним следует римский корабль, желавший узнать путь к Касситеридам, намеренно посадил своё судно на мель, чтобы погубить любопытного римлянина. Тот погиб, тогда как финикиец, гораздо более искусный, сумел спастись и по возвращении на родину был вознаграждён государством за убытки, понесённые из-за добровольного кораблекрушения.

Итак, товарами, вывозимыми из Британии, были золото, серебро, олово, железо, меха, рабы и превосходные охотничьи собаки. Всё это имело свою ценность, а в обмен британцам приносили безделушки, способные ослепить варваров, – браслеты из слоновой кости, стеклянные украшения или изделия из янтаря. Британский океан, по свидетельству Тацита, также давал жемчуг, но тусклый и с пятнами. Некоторые считали, что разница между этим жемчугом и восточным обусловлена способом его добычи: в Персидском заливе его вылавливают, извлекая устриц живыми из скал, тогда как у берегов Британии его собирали уже выброшенным морем. Но, – замечает Тацит, – скорее сама природа не наделила этот жемчуг качествами, чем наша роскошь – жадностью и безумием. Его вывод разумен и подтверждён опытом. Жемчуг добывают в Шотландии и сегодня [6], и если бы существовал способ сделать его столь же прекрасным, как индийский, мы бы его непременно нашли.

Я уже рассказывал в «Истории Римской республики» о том, как сражались бритты и об их боевых колесницах. Добавлю здесь, что главной силой их войск была пехота. Перед битвой они раскрашивали тело вайдой [растение], придавая коже темно-синий, почти черный оттенок, полагая, что это делает их более устрашающими для врагов. Их женщины также использовали эту краску, по-видимому, как украшение, подчеркивающее их красоту. Бритты отпускали длинные волосы, возможно, чтобы придать себе более дикий вид. В остальном же они брили все тело, за исключением верхней губы.

Их форма правления ко временам Тацита изменилась. После долгого периода царствования, при котором власть царей, вероятно, не была абсолютной, у них установился своего рода аристократический строй, который лишь разделял их силы между несколькими вождями и мешал объединению. «И это, – говорит историк, – наша главная опора против могущественных и воинственных народов. Они не умеют действовать сообща. Редко когда два или три племени соединяются, чтобы отразить общую угрозу. Поэтому, вступая в войну поодиночке, они в конце концов оказываются побежденными».

Цезарь, как известно, был первым из римлян, кто вторгся в Британию с армией. В «Истории Римской республики» я изложил его собственный рассказ о подвигах в этой стране, кото-

рые не были особенно значительными и в которых он скорее познакомил римлян с бриттами [7], чем покорил их. Затем начались гражданские войны, и вожди республики обратили свои силы против нее самой. Август, оставшись единственным владыкой империи, дважды задумывался о возобновлении замыслов своего двоюродного деда [Цезаря] относительно острова Британия, если только не предположить, что он просто хотел запугать бриттов и заставить их уважать имя Рима. Ему это удалось. Цари и народы этого великого острова, по крайней мере ближайšie к Галлии, отправили к нему послов, воздали почести и согласились платить пошлины за все товары, ввозимые из их страны в Галлию или вывозимые из Галлии в их страну.

Август на этом остановился, а Тиберий, стремившийся лишь к покою и миру, последовал его примеру. Страбон, писавший при этом принце, оправдывает пренебрежение римлян к жалкому завоеванию, которое не могло принести им никакой пользы. «Что они выиграют, – говорит он, – подчинив себе бедные и нищие народы? Пошлины, которые они взимают со всей торговли между Галлией и Британией, приносят им больше, чем дань, наложенная на бриттов, значительную часть которой пришлось бы тратить на содержание войск, необходимых для удержания острова».

Мы видели планы Калигулы относительно Британии, которые свелись к сбору раковин. При Клавдии римляне окончательно утвердились там. Этот принц, мало способный понять политические соображения, остановившие Августа, без сомнения, увлекся блестящей идеей перешагнуть преграду Океана, подчинить римскому владычеству народы, всегда сохранявшие свободу [8], и услышать, как его называют победителем не только непокоренных, но и неизвестных до него народов. Поэтому он воспользовался случаем, который представил ему некий Верик, изгнанный с острова враждебной партией и умолявший о защите, чтобы вернуться. Клавдий приказал Авлу Плавтию вступить в Британию с подчиненными ему легионами.

Римские солдаты неохотно соглашались отправиться в другой мир – так они воспринимали страну, куда их вели. Чтобы сломить их сопротивление приказам своего командира (консульского ранга), вольноотпущенник Нарцисс осмелился явиться в их лагерь и взойти на трибунал Плавтия, чтобы обратиться к ним с речью. Но они и слушать его не хотели, крича «Сатурналии!», упрекая его в рабском прошлом. Однако негодование подействовало на них сильнее, чем долг, и они заявили своему генералу, что готовы следовать за ним.

Плавтий совершил переправу, но Дион (или, по крайней мере, его сократитель) настолько неточен, что не сообщает нам, из какого галльского порта отплыл этот генерал и в каком месте острова высадился. Можно предположить, что он последовал маршрутом Цезаря, отплыл из порта Итий [9] и его окрестностей и высадился в области Кент. Он разделил свою армию на три части, чтобы избежать трудностей, связанных с большим числом, и держать островитян в неведении относительно места, где им следует ожидать нападения. Но для бриттов эта предосторожность оказалась излишней. Они не были настороже, и Плавтий не встретил никакого сопротивления при высадке.

Испуганные варвары сначала отступили в свои леса и болота, куда римлянам пришлось идти, чтобы сразиться с ними. В конце концов они нашли их и разбили Каратака и Тогодумна, сыновей Кунобелина, о котором уже упоминалось при Калигуле. Бритты не пали духом. Они надеялись, что экспедиция Плавтия постигнет участь похода Цезаря и что, оказав ему упорное сопротивление, они сведут на нет его усилия и заставят его покинуть их остров. Они не учитывали, что обстоятельства сильно изменились и что римляне, став мирными хозяевами Галлии, могли позволить себе время для их покорения. Произошло несколько мелких стычек, в которых островитяне, потерпев поражение, были вынуждены отступать, и Плавтий, неизменно побеждая, дошел до устья Темзы.

Его остановила неудача, а также необходимость дожидаться Клавдия, который намеревался лично возглавить армию, если начало предприятия обещало успех. Он никогда не видел войны. Он жаждал настоящего триумфа, считая триумфальные украшения, дарованные ему

сенатом за победы его легатов, слишком обыденной честью, недостойной императорского величия.

Узнав об успехах Плавтия, он выехал из Рима, оставив своему коллеге по консулату Вителлию управление делами империи. Он отплыл из Остии, прибыл в Массилию, пересек всю Галлию и снова сел на корабль в Гесориаке [10], совершил переправу и присоединился к армии на берегах Темзы.

Дион утверждает, что Клавдий перешел эту реку и приписывает ему победу в битве над варварами и взятие Камулодуна [11], резиденции Кунобелина. Согласно же Светонию, во время пребывания в Британии Клавдий занимался только принятием покорности побежденных народов: он не дал ни одного сражения, не пролил ни капли вражеской крови. Здесь я скорее поверил бы Светонию. Вполне возможно, что Дион приписал Клавдию подвиги его легата Плавтия. Достоверно то, что император пробыл на острове недолго – всего шестнадцать дней, после чего отправился обратно в Рим.

Тем не менее, он так гордился этой экспедицией, что несколько раз приказывал легионам провозглашать себя императором (победоносным полководцем), хотя, за исключением одного случая при Калигуле, всегда было принято принимать этот титул лишь однажды за все успехи одной войны. Он отправил своих зятьев, Магна и Силана, в Рим с известием о своих завоеваниях, и сенат осыпал его всевозможными почестями: триумф, прозвище «Британский» для него и его сына, две триумфальные арки – одну в городе, другую в том месте Галлии, откуда он отплыл в Британию, – ежегодный праздник в память о его подвигах. По этому случаю Мессалине также были дарованы все почетные привилегии, которыми пользовалась Ливия, мать Тиберия.

Возвращаясь в Рим, Клавдий избрал путь через По и вошел по этой реке в Адриатическое море на корабле, который, по словам Плиния, скорее заслуживал названия дома. Все его путешествие заняло шесть месяцев, и он прибыл в город в начале консульства Криспина и Тавра.

Л. КВИНКЦИЙ КРИСПИН (во второй раз) – М. СТАТИЛИЙ ТАВР. 795 г. от основания Рима, 44 г. от Р. Х.

Триумф Клавдия был отпразднован со всей возможной пышностью. Сам восхищаясь тем, как он смог достичь такой славы, он не поскупился ни на что, что могло подчеркнуть её блеск, и разрешил наместникам провинций и изгнанникам прибыть в Рим, чтобы стать свидетелями этого. Он также пожелал, чтобы все, кто получил в той же войне триумфальные украшения, сопровождали его колесницу. Их было великое множество, ибо Клавдий, снисходительный во всем, щедро раздавал эти почетные награды, удостоивая ими даже за незначительные заслуги простых сенаторов и даже юного Силана, предназначенного стать его зятем, который едва вышел из детского возраста. Эта блистательная толпа шла пешком за триумфальной колесницей. Лишь один, выделявшийся среди всех, поскольку он уже во второй раз удостоивался этих столь великих украшений, ехал на коне, покрытом великолепной попоной, и был облачен в тунику, расшитую пальмовыми ветвями. Это был Красс Фруги, тесть Антонии, дочери Клавдия. Мессалина в роскошной колеснице подобным же образом следовала за колесницей супруга, которого покрывала позором. Все церемонии триумфа были соблюдены неукоснительно, и Клавдий поднялся на коленях по ступеням Капитолия, поддерживаемый двумя зятьями.

В дни, последовавшие за триумфом, были устроены игры всех видов: гонки колесниц в цирке, состязания атлетов, травля медведей, военный танец, исполненный юношами, привезенными из Азии, театральные представления. Наконец, чтобы как-то увековечить свой триумф над Океаном, который он якобы покорил, Клавдий распорядился поместить морской венок рядом с гражданской короной, всегда украшавшей фронтон императорского дворца.

В то время как Клавдий с такой помпой праздновал свои победы над бриттами, бритты вовсе не были побеждены. Они по-прежнему отстаивали свою свободу и вели войну против

Плавтия, оставшегося в стране с большими силами. Веспасиан, тогда командовавший легионом, особенно отличился в этой войне. Он дал тридцать сражений врагу, взял двадцать городов, подчинил два британских племени и захватил остров Уайт. За это он был награжден триумфальными украшениями, и это стало первой ступенью к тому высокому положению, которого он достиг впоследствии [12]. Плавтий провел четыре года, расширяя и укрепляя свои завоевания. Он побеждал народы, заключал с ними договоры, и, чтобы эти народы могли доверять всему, что будет установлено и согласовано им, сенат издал декрет, согласно которому договоры, заключенные Клавдием или его легатами, имели бы ту же силу, как если бы в них участвовали власть сената и народа. Таким образом, большая часть земель к югу и северу от Темзы была превращена в римскую провинцию. Плавтий, вернувшись в Рим при четвертом консульстве Клавдия, удостоился овации – чести, в то время исключительной для частного лица, и, как я полагаю, здесь мы видим последний пример этого при императорах. Во время церемонии Клавдий неизменно сопровождал его, уступая ему место по правую руку.

Я хотел сразу изложить то, что Светоний и Дион сообщают весьма кратко о первых завоеваниях римлян в Британии. Последующие события будут подробнее описаны Тацитом, когда придет время.

Факты, которые Дион приводит для консульства Криспина и Тавра, немногочисленны и не слишком значительны. Клавдий предоставил своему префекту претория Рубрию Поллиону право заседать в сенате, когда он сопровождает императора, ссылаясь на пример Августа, который, по его словам, поступил так же с Валерием Лигуром. Он предоставил ту же привилегию Лакону, начальнику стражи при Тиберии, а затем управляющему доходами принца в Галлии. Он также наградил его консульскими украшениями и, согласно Светонию [13], щедро раздавал эти почести даже управляющим низшего ранга.

Он вернул сенату управление провинциями Ахайя и Македония, которые Тиберий присвоил себе.

Он расширил владения Коттия, малого князя, обосновавшегося в Сузе в Альпах и союзника римлян. Коттий не подчинялся их владычеству, скрытый своей безвестностью и защищенный неприступными высотами своих гор. Однако он понимал, что не может оставаться полностью независимым от столь грозной державы. Он искал дружбы Августа, который ему её даровал, и даже принял его имя, называясь Юлием Коттием. В своем малом государстве этот князь имел великие замыслы. Он осуществил весьма значительные работы, чтобы сделать проходимыми альпийские перевалы в своих владениях. Он мудро управлял своими подданными и обеспечил им полное спокойствие под защитой римлян. Клавдий, одновременно расширив его владения, даровал ему титул царя. После его смерти Нерон присоединил его земли к империи. Но память об этом добром князе долго жила в стране, которой он правил. Еще во времена Аммиана Марцеллина показывали его гробницу в Сузе и даже оказывали ему некоторое почитание. Его имя сохранилось в названии Коттийских Альп, известных в древности.

Клавдий лишил родосцев свободы, которой они злоупотребляли, доходя до распятия римских граждан. Позже он вернул им её, как мы отметим, но лишь после того, как они в течение нескольких лет несли наказание за свою дерзость.

Некто Умброний Силон осмелился бросить вызов мести вольноотпущенников Клавдия. Будучи проконсулом Бетики, он навлек на себя их ненависть. Они добились его отзыва под предлогом, что он не обеспечил достаточных поставок для римских войск, охранявших Мавританию, и даже убедили Клавдия изгнать его из сената. Умброний, желая показать, как мало он ценит достоинство, которого его лишили, публично выставил на продажу свою сенаторскую тогу. Не сообщается, чтобы с ним случилось что-то худшее.

М. Виниций, бывший муж Юлии, дочери Германика, казненной Клавдием, тем не менее был назначен тем же императором консулом на следующий год. Это было его второе консульство, в котором его коллегой стал Статилий Корвин.

М. ВИНИЦИЙ II – Т. СТАТИЛИЙ ТАВР КОРВИН. 796 г. от Р. Х. – 45 г. н. э.

Этот год также беден событиями. Клавдий изменил порядок, установленный в последние годы Тиберия, для принесения ежегодной присяги сенаторами. Он не пожелал, чтобы каждый сенатор произносил её формулу, но чтобы претор произносил её от имени всего своего сословия, трибун – от имени всех трибунов, и так для каждого разряда, из которых состоял сенат. Сам он, по своему обыкновению, поклялся соблюдать постановления Августа.

Он положил конец произволу частных лиц, самовольно воздвигавших себе статуи. Город был переполнен ими, все общественные места были загромождены. Клавдий распорядился перенести уже существующие статуи в разные места и запретил впредь частным лицам удоставлять себя этой честью без разрешения сената, за исключением тех, кто построил или восстановил какое-либо общественное здание: в таком случае они могли изобразить себя и членов своей семьи либо на картине, либо в статуе.

Клавдий попытался искоренить другой, несравненно более важный и трудный для устранения злоупотребление. Осудив на изгнание магистрата, виновного в вымогательстве, он по этому случаю возобновил старые постановления, запрещавшие переходить с одной должности на другую без промежутка. Он желал, чтобы магистраты после окончания срока оставались некоторое время в частном положении, дабы те, кого они притесняли, могли свободно привлечь их к суду. А чтобы они не уклонялись от наказания за свои несправедливости под предлогом отсутствия, он также запретил им путешествовать. Наконец, он распространил свое постановление не только на начальников, но и на их легатов, установив для всех одинаковую обязанность выждать промежутки времени, прежде чем они смогут занять какую-либо общественную должность.

Вероятно, чтобы обеспечить исполнение этого постановления в отношении путешествий сенаторов, он добился декрета, предоставлявшего ему право давать им отпуска, тогда как ранее, как во времена республики, надлежало обращаться за этим к сенату.

Клавдий обещал игры в честь своего похода в Британию. Он дал их в этом году и добавил к ним весьма щедрую раздачу денег. Граждане, получавшие от государства регулярные хлебные раздачи, получили одни – триста [14], другие – до тысячи двухсот пятидесяти сестерциев на человека [15]. Дион отмечает, что Клавдий не лично руководил всей раздачей этих денег. Начав её, он поручил завершить её своим зятям, не желая прерывать свое любимое занятие – судебные разбирательства.

Чтобы ничего не упустить, скажу, что Клавдий восстановил пятый день Сатурналий, добавленный Гаем и впоследствии отмененный. В этом году произошло солнечное затмение первого августа, в день рождения Клавдия. Опасаясь, что суеверная толпа не истолкует это как дурное предзнаменование для него, он заранее приказал вывесить предсказание об этом затмении вместе с научным объяснением этого явления.

Консулами следующего года стали два знатнейших мужа: Валерий Азиатик, который, уже занимая консульство при Тиберии или при Гае, получил от Клавдия второе, видимо, в награду за услуги, которые, как сообщает Тацит [16], он оказал в походе против Британии; и М. Силан, брат Л. Силана, зятя Клавдия, и правнук правнучки Августа, при котором он родился.

ВАЛЕРИЙ АЗИАТИК II – М. ЮНИЙ СИЛАН. 797 г. от Р. Х. – 46 г. н. э.

Азиатик, если верить Диону, был назначен консулом на весь год, но не пожелал пользоваться этой привилегией и сложил полномочия досрочно, чтобы не навлекать на себя зависти, к которой, как он знал, был слишком подвержен из-за своего огромного богатства. Тот же историк утверждает, что в те времена были и другие, кто, подобно Азиатику, назначенные консулами на целый год, сложили полномочия, не дожидаясь срока, но по противоположной причине: их скромные средства не могли покрыть огромных расходов, требовавшихся для консульства.

Виниций, бывший консулом в прошлом году, погиб в этом году из-за злодеяния Мессалины. Это был кроткий человек, занятый своими частными делами и совершенно неспособный нарушить государственный порядок. Но он отказался участвовать в разврате Мессалины, и она приказала его отравить. После смерти ему были устроены публичные похороны, что ничуть не повредило его врагу.

Азиний Галл, внук Агриппы через свою мать Випсанию и единоутробный брат Друза, сына Тиберия, замыслил заговор с целью захватить власть. Нет умов, более склонных к гордыне из-за знатности своего происхождения, чем те, у кого нет никаких других достоинств. Низкорослый, дурной наружности, без ума, без талантов, Азиний Галл считал, что всё должно принадлежать ему благодаря великим именам его рода; и, не имея ни сил, ни денег, он воображал, что стоит ему подать сигнал, как граждане поспешат встать под его знамена и признать его императором. Когда заговор был раскрыт, его безумие спасло его. Столь плохо продуманное предприятие сочли плодом расстроенного ума. Его слишком презирали, чтобы казнить, и Клавдий ограничился ссылкой.

Фракия, до тех пор имевшая своих царей, в этом году стала римской провинцией. Мы видели, что при Тиберии она была разделена между Реметалком и детьми Котиса, из которых только один, также названный Котисом, известен в истории. Гай отдал долю Котиса Реметалку, а самого Котиса вознаграждал, сделав царем Малой Армении. Когда Реметалк был убит своей женой, римляне, вероятно, воспользовались этим предложением, чтобы завладеть страной.

Новый остров возник в Эгейском море [17] близ Феры и Терасии. Мы упоминали о подобном явлении при Тиберии, в 768 году от основания Рима.

Клавдий, желая принять четвертое консульство, взял себе в коллеги Вителлия, который таким образом стал консулом в третий раз.

ТИБЕРИЙ КЛАВДИЙ ЦЕЗАРЬ АВГУСТ ГЕРМАНИК IV – Л. ВИТЕЛЛИЙ III. 798 г. от Р. Х. – 47 г. н. э.

В республике не было цензоров со времен Павла и Планка, которые носили этот титул при Августе, но без особой чести и успеха. Императоры осуществляли их власть как надзиратели за нравами. Они назначали сенаторов и римских всадников. Что же касается функций цензуры, заключавшихся в переписи граждан и их имущества, то, кажется, они полностью прекратились после смерти Августа. Клавдий, будучи консулом в четвертый раз, возродил эту должность: он принял ее на себя и разделил с тем же [прим. ix. а.] Вителлием, который уже был его коллегой по консульству.

Это невероятное возвышение Вителлия было наградой за его позорные угодничества перед Мессалиной и вольноотпущенниками. Ему было мало просто подчиняться их воле: он унижался перед ними самым низким и рабским образом. Однажды он умолял Мессалину позволить ему снять с нее обувь; сняв правую туфлю, он положил ее между того и туники, хранил и всегда носил с собой как драгоценный залог, время от времени целуя ее. Среди своих домашних богов он держал золотые изображения Нарцисса и Палласа. Он не боялся выглядеть смешным из-за нелепостей, лишь бы они были лестными. Когда Клавдий в том году, как мы скоро расскажем, устроил Сесулагные игры, Вителлий сказал ему: «Да будет вам суждено часто праздновать этот праздник!» Таково было унижение, до которого честолюбие довело человека, впрочем, обладавшего умом и способностями.

Клавдий в качестве цензора составил список сената и исключил из него некоторых, большинство из которых удалились добровольно, так как сенаторское достоинство было обременительно для их скромного состояния. Напротив, он почти насильно ввел в сенат некоего Сурдония Галла, который удалился в Карфаген. Клавдий вызвал его и сказал: «Я хочу связать тебя здесь золотой цепью» – и назначил его сенатором.

При пересмотре списка всадников и вообще в своей цензорской деятельности, как замечает Светоний, он проявлял ту же переменчивость здравого и неразумного суждения, которая

царила во всех его поступках. Он поставил позорную отметку рядом с именем одного всадника, но когда друзья того заступились, согласился стереть ее, сказав: «Однако я не буду против, если след от помарки останется». В этом смешении снисходительности и строгости есть даже нечто тонкое.

В других случаях он проявлял чрезмерную мягкость. Когда молодого человека, уличенного во многих проступках, оправдывал и даже хвалил его отец, Клавдий освободил его от всякого порицания, сказав: «У него есть свой цензор». Профессионального развратника, известного по всему городу своими изменами, он просто предупредил, чтобы тот бережнее относился к своему здоровью или хотя бы вел себя осмотрительнее. «Ибо, – добавил он, – зачем мне знать, кто ваша любовница?» Напротив, он отметил нескольких граждан за весьма незначительные проступки, которые до него никогда не служили поводом для строгости цензоров: за выезд из Италии без его разрешения, за присоединение к свите и чиновному рангу какого-то царя в провинции. Некоторые с позором для него опровергли обвинения, выдвинутые на основе небрежных донесений его соглядатаев. Люди, которых он упрекал в безбрачии, бездетности или бедности, доказали, что они женаты, имеют детей и богаты. Одного он обвинил в том, что тот в ярости и отчаянии покушался на свою жизнь и ранил себя мечом. Обвиняемый разоблачился перед ним и показал, что на его теле нет ни единой раны.

Он не допускал, чтобы те, кого он призывал к ответу, пользовались помощью адвокатов: каждый должен был говорить за себя и объясняться как умел. В этом он был прав, учитывая, что цензоры не действовали судебным порядком, и все происходило перед ними без формальностей и сложных прений.

Он заслужил похвалу и за свое рвение в борьбе с роскошью, приказав купить и разбить на куски искусно сделанную серебряную колесницу, выставленную на продажу.

Но вновь впадая в глупости, он в один день издал двадцать указов, два из которых касались весьма странных предметов. Один предупреждал, что, поскольку урожай винограда ожидается обильным, следует тщательно смолить бочки. Другой рекомендовал сок тиса как средство против укуса гадюки.

Пока Клавдий занимался цензорскими делами, Мессалина и вольноотпущенники продолжали свою жестокую игру, подвергая опасности разных людей под предлогом заговора против государства и императора. Они вовлекли в это и ничтожных лиц, которых Клавдий проигнорировал или наказал лишь слегка, говоря, что «на блохе не мстят, как на льве». Но его зять Помпей Магн, муж его старшей дочери Антонии, поплатился жизнью. Хотя его вина заключалась лишь в том, что он не угодил Мессалине, Клавдий приказал заколоть его в постели без всякого суда. Его отец Красс Фруги и мать Скрибония погибли вместе с ним. Их знатность была их преступлением. Что касается ума, Красс вовсе не был опасен: он вполне походил на Клавдия своей глупостью и был так же достоин занять его место, как и неспособен его домогаться.

Валерий Азиатик впоследствии был обвинен. Тацит – ибо мы вновь встречаем его здесь, что читатель легко заметит – приводит подробное описание этого дела [18], но оставляет некоторые обстоятельства для догадок, поскольку начало его повествования до нас не дошло.

Эта мрачная интрига, жертвой которой стал один из самых знаменитых членов сената, дважды удостоенный высшего сана в империи, по-видимому, зародилась из-за женской ссоры между Мессалиной и Поппеей. Последняя, дочь консуляра Поппея Сабина, получившего при Тиберии триумфальные отличия, была прекраснейшей женщиной Рима, но отнюдь не самой добродетельной.

Она вела позорную связь с пантомимом Мнестером, в которого, как мы видели, Мессалина была безумно влюблена. Императрица, снедаемая ревностью, убедила себя, что Валерий Азиатик также причастен к разврату Поппеи. Кроме того, она страстно желала завладеть садами Лукулла, которые этот богатый консуляр украсил и обустроил с величайшей роскошью. Поэтому она решила погубить одновременно и Азиатика, и Поппею, поручив их обвинение

Суилию – о котором уже шла речь и который еще не раз появится в дальнейшем, – адвокату, более знаменитому своим талантом, чем честностью. В помощники ему она дала Сосибия, воспитателя Британника. Этот ловкий грек, притворяясь ревностным слугой императора, внушил ему, что могущество и богатство частных лиц опасны для государя. Что Азиатик был главным виновником смерти Гая и настолько дерзок, что признавался в этом и даже хвалился этим перед народным собранием Рима. Что, снискав себе этим великую славу в городе и видя, как его репутация распространяется по провинциям, он готовится отправиться подстрекать германские легионы. Что, будучи уроженцем Вьенны и связанный родством с самыми знатными родами Галлии, он легко может поднять восстание среди народов, от крови которых происходил.

Клавдий был чрезвычайно доверчив, стоило лишь намекнуть ему на малейшую опасность. Поэтому, не утруждая себя дальнейшими разбирательствами, он отправил преторианского префекта Криспина с отрядом гвардейцев, словно дело шло о подавлении начинающейся войны. Азиатик в тот момент находился в Байях, в Кампании. Его схватили, заковали в цепи, доставили в Рим – и немедленно начали суд, не в сенате, а в покоях Клавдия, в присутствии Мессалины.

Суилий, выступавший обвинителем, обвинил Азиатика в подкупе солдат деньгами, а также иными, еще более преступными способами. Кроме того, он укорял его в прелюбодеянии с Поппеей и в иных противоестественных пороках. Азиатик был человеком умным и мужественным. Он защищался с такой силой, что Клавдий был глубоко тронут, а сама Мессалина не смогла сдержать слез. Однако в ней это было лишь механическое впечатление, не изменившее ее сердца. Выйдя, чтобы утереть глаза, она наказала Вителлию не дать обвиняемому ускользнуть.

Между тем обвинение разваливалось само собой. Азиатик потребовал, чтобы ему предъявили хотя бы одного из тех солдат, чью верность он якобы подкупил. Привели одного, который его даже не знал и которому лишь сказали, что Азиатик – лысый. Этот лжесвидетель, спрошенный, знает ли он обвиняемого, ответил утвердительно и, чтобы доказать, указал на кого-то из присутствующих, приняв его за Азиатика, поскольку тот тоже был лысым. Над этой ошибкой посмеялись; Клавдий осознал ее значение и склонялся к оправданию обвиняемого.

Вителлий помешал этому благому намерению ужасным предательством. Приняв смягченный тон и пролив несколько слез, он сказал, что Азиатик был его давним другом и что они вместе оказывали почтение Антонии, матери императора. Он перечислил заслуги обвиняемого перед республикой, его доблесть в войне с бриттами и все прочие доводы в его пользу – и заключил, что ему следует предоставить свободный выбор способа смерти. Клавдий так тупо следовал внушениям тех, кому привык подчиняться, что согласился с этим, полагая, что проявляет милосердие.

Дион передает события несколько иначе. Он пишет, что Вителлий притворился, будто Азиатик поручил ему просить о праве самому избрать себе смерть, и что Клавдий, поверив этому, счел просьбу обвиняемого признанием вины. Но, возможно, это объяснение было придумано теми, кто не понимал, до какой степени глупость помрачала разум Клавдия.

Как бы то ни было, Азиатик умер с твердостью, достойной его прежней славы. Друзья уговаривали его избрать медленный и легкий путь к смерти, отказавшись от пищи. Он ответил, что благодарен им за эту последнюю заботу, но просит освободить его от следования их совету. Совершив обычные упражнения, искупавшись и весело поужинав, он велел вскрыть себе вены, не позволив себе ни единой жалобы – разве что заметил, что было бы честнее погибнуть от козней Тиберия или ярости Гая, чем от коварства женщины и грязного языка Вителлия. Перед смертью он пожелал увидеть костер, на котором должно было сгореть его тело, и велел перенести его на другое место, чтобы дым не повредил деревьям – до такой степени он сохранял присутствие духа в последние мгновения.

Пока в покоях Клавдия судили Азиатика, Мессалина, как я уже говорил, вышла. Она спешила избавиться от Поппеи и послала к ней людей, которые так напугали её тюрьмой, что та решилась на добровольную смерть. Всё это произошло без ведома Клавдия: спустя несколько дней, увидев за своим столом Сципиона, мужа Поппеи, он спросил, почему тот не привёл жену; и Сципион ответил, что она умерла.

Два брата, знатнейших римских всадника, были замешаны в этом деле за то, что предоставили свой дом для встреч Мнестра и Поппеи. В этом состояло их преступление. Но Суилий обвинил их в сенате за сон, который видел один из них и который они истолковали как предзнаменование общественных бедствий или скорой смерти принцепса. Они были осуждены, а те, кто помогал Мессалине во всей этой интриге, получили награды. Префекту претория Криспину было пожаловано полтора миллиона сестерциев [19] и преторские знаки отличия. Вителлий добился для Сосибия миллиона сестерциев [20] – как для человека, полезного республике уроками, которые он давал Британику, и советами, которыми помогал императору.

Сципион, муж Поппеи, присутствовал на этом заседании сената; когда же пришла его очередь говорить, он вышел из положения как человек умный: «Я вынужден, – сказал он, – думать о поведении Поппеи так же, как и все остальные. Так что можете считать, что я голосую вместе со всеми».

Суилий, которому, несомненно, досталась часть имущества Азиатика, подстрекаемый жадной наживы, с жадной жестокостью предался ремеслу доносчика, и у него нашлось немало подражателей его дерзости. Ибо при принцепсе, страстно любившем вершить суд и сосредоточившем в своих руках всю власть законов и магистратов, настал благоприятный момент для тех, кто стремился обогатиться за счёт несчастных. Адвокаты бесстыдно торговали своими обязательствами, и их вероломство, по словам Тацита [21], «продавалось, как товар, открыто выставленный на рынке». Это подтверждает трагический случай с одним знатным римским всадником, который, заплатив Суилию четыреста тысяч сестерциев [22] и узнав, что тот предаёт его и сговорился с противной стороной, пришёл в дом своего неверного защитника и закололся там.

Шум, вызванный этим событием, привёл к жалобам, которые были доведены до сената Гаем Силием, назначенным консулом и личным врагом Суилия. По этим представлениям сенаторы почти единодушно потребовали восстановить действие закона Цинция, изданного в древности для запрета адвокатам получать деньги или подарки от своих клиентов и впоследствии возобновлённого Августом. Те, кто чувствовал себя заинтересованным в этом деле, воспротивились желанию сената. Но Силий настаивал с жаром, приводя примеры древних ораторов, которые считали славу в грядущих веках единственной достойной наградой за свой талант. «Если отступить от этого принципа, – добавил он, – красноречие, первое из изящных искусств, унижится, став грязным ремеслом. Даже верность подвергается опасности искушения, как только позволяют себе думать о размерах гонораров. Кроме того, если судебные процессы не приносят никому дохода, их число уменьшится; тогда как сейчас поддерживают вражду, умножают обвинения, ненависть, оскорбления, чтобы, подобно тому как болезни обогащают врачей, сутяжничество в судах обогащало адвокатов. Пусть они возьмут себе в примеры Поллиона, Мессалу или даже Аррунция и Эзернина, чья память ещё свежа и которые достигли вершины славы и почестей благодаря безупречной жизни и красноречию, не запятнанному корыстью».

Эта горячая речь склонила все голоса, и уже готовились постановить, что те, кто брал деньги у своих клиентов, будут наказаны как вымогатели. Тогда Суилий, Коссутан Капитон (о котором речь пойдёт далее) и другие, оказавшиеся в таком же положении, видя, что дело не в расследовании их действий (поскольку факты были очевидны и неоспоримы), а в том, что вот-вот будет вынесен приговор, приблизились к присутствовавшему Клавдию и стали просить помилования за прошлое. Тот милостиво кивнул, не проронив ни слова. Ободрённые этим зна-

ком покровительства, они возвысили голос. «Кто из нас, – сказали они, – настолько горд, чтобы претендовать на бессмертие? Мы предлагаем гражданам необходимую помощь, дабы слабые, лишённые защиты, не были угнетены сильными. Впрочем, красноречие не даётся даром. Мы забрасываем свои дела, чтобы заниматься чужими. Есть разные пути для приобретения честного состояния: военная служба, обработка земель. Но никто не станет заниматься делом, если не надеется извлечь из него выгоду. Поллиону и Мессале, обогатившимся в гражданских войнах, как и Эзернину и Аррунцию, унаследовавшим от отцов большое состояние, легко было придерживаться благородных и возвышенных принципов. А если привести противоположные примеры – разве Клодий и Курион не получали платы за свои речи? Мы – сенаторы скромного положения, которые в мирное время существуют лишь благодаря полезным в мирные дни занятиям. Если лишить учёные труды их плодов, сами эти труды погибнут».

Эта позиция была менее достойной, но Клавдию она показалась не лишённой убедительности. Был найден компромисс: постановили, что адвокатам разрешается получать не более десяти тысяч сестерциев [23], а превышение этой суммы будет считаться вымогательством. Это постановление стало законом. Однако знаменитые ораторы, как видно из примера Плиния Младшего, сохранили древнее благородство своей профессии, работая бесплатно. Квинтилиан рассмотрел этот вопрос [24] и изучил, позволительно ли адвокатам взимать плату за свои услуги. Он высказывается на этот счёт так разумно, что, по замечанию г-на Роллена [25], даже там, где обычай иной, его принципы должны служить правилом.

В этот год, который был семьсот девяносто восьмым от основания Рима согласно исчислению Катона, которому мы следуем, являлся восьмисотым, если придерживаться вычисления Варрона относительно даты основания города, и римляне в то время считали именно так [26]. Таким образом, это был год проведения Секулярных игр, если предположить, что они должны праздноваться каждые сто лет. Август придерживался иной системы, согласно которой век составлял сто десять лет, и, следовательно, он провёл Секулярные игры в семьсот тридцать пятом году от основания Рима. Клавдий не счёл себя обязанным следовать примеру Августа в этом вопросе. Желая украсить своё правление торжественностью этого праздника, он предпочёл общепринятый способ исчисления века и в этом году отпраздновал Секулярные игры.

Однако это привело к нелепости в приглашении на эти игры. Предписанная формула призывала граждан на праздник, которого никто из них никогда не видел и никогда не увидит. Но с момента игр Августа прошло всего шестьдесят четыре года, так что многие из живших тогда уже видели их, и актёр Стефанион играл для одних и тех же зрителей.

Клавдий проигнорировал это обстоятельство: до того ему казалось прекрасным устроить Секулярные игры. Мы увидим, как Домициан будет мыслить и действовать таким же образом, повторяя ту же нелепость. Игры и зрелища были важным делом для римлян. Народ любил их до безумия, а правители использовали их как инструмент своей политики, чтобы развлекать граждан и отвлекать их от серьёзных дел, которые могли бы затронуть интересы государства. Клавдий за время своего правления устроил множество зрелищ всех видов, столько же по личному вкусу и склонности, сколько и из политических соображений, к которым он был мало способен.

Среди представлений, сопровождавших праздник во время проведённых им Секулярных игр, была Троянская скачка, исполняемая детьми знатнейших семей Рима. Британик участвовал в ней вместе с Л. Домицием, который вскоре был усыновлён Клавдием и получил имя Нерона. Между этими двумя юными принцами народная любовь склонилась к последнему. Он был единственным мужским потомком Германика, чья память ещё была дорога римскому народу. О нём распространялись сказки, призванные чудесным образом привлечь к нему почтение доверчивой толпы: говорили, что драконы охраняли его в детстве. Его мать Агриппина, чью сестру Мессалина уже погубила и которая сама находилась в опасности, вызывала сочувствие. Мессалина заметила эти настроения, и ничто не мешало ей устранить ту, кто ей

мешал, кроме новой страсти, которую она воспылала к красивейшему юноше всей римской знати – Силию, назначенному консулом, о котором мы уже упоминали, сыну того Силия, которого Тиберий принёс в жертву своей ненависти к дому Германика.

Это была не любовь, а безумие: и этот предмет, заполнив ум и сердце Мессалины, изгнал оттуда все другие мысли. Она начала с того, что заставила возлюбленного развестись с женой Юнией Силаной, женщиной самого высокого происхождения, чтобы владеть им одной. Силий понимал и величину преступления, и степень опасности [27]: но гибель его была неизбежна, если бы он сопротивлялся; он не терял надежды перехитрить слабоумного Клавдия; он был осыпан почестями и богатствами; и, по несчастному ослеплению, вместо того чтобы погибнуть с честью и унести в могилу славу невинности, он вверял будущее судьбе и тем временем наслаждался настоящим. Мессалина несколько не скрывалась: она приходила к Силию с большой свитой; сопровождала его, когда он появлялся на публике; осыпала его почестями и милостями; наконец, как предвестие готовящегося переворота, рабы принца, его вольноотпущенники, мебель и экипажи оказались в доме соблазнителя его жены. Эти бесчинства кажутся невероятными, но они ничтожны по сравнению с теми, о которых мы расскажем в следующем году и которые привели к катастрофе.

Тем временем Клавдий занимался обязанностями цензора. Он строгими указами пресёк вольность, которую позволял себе народ в театре, оскорбляя криками некоторых знатных дам и Помпония, консуляра и знаменитого автора трагедий. Он провёл закон против ростовщических займов, выдаваемых молодым людям в расчёте на смерть их отцов. Он продолжил работы по строительству акведуков. Он даже обратил внимание на предмет, более достойный грамматика, чем принца. Когда-то он написал трактат, доказывая, что римскому алфавиту не хватает трёх букв. Он захотел ввести их употребление императорским указом: и действительно, они использовались при его правлении в публичных памятниках; после его смерти они были настолько забыты, что достоверно известны лишь две – дигамма эолийская, соответствующая нашему «в» (согласному), и антисигма, заменявшая сочетание «ps»; третья осталась неизвестной.

Иностранные дела этого года представляют достаточно интересный материал. Произошли волнения в Азии и на Востоке; были беспokoйства и в Германии. Поскольку события на Востоке образуют цепь происшествий, заполняющих несколько лет, я оставлю их для отдельного изложения, где всё будет собрано вместе. То, что произошло в Германии, более обособленно.

Херуски в своих междоусобицах потеряли почти всю свою знать, и у них остался лишь один отпрыск царского дома, находившийся в Риме. Его звали Италик, он был сыном Флавия и, следовательно, племянником Арминия; по матери его дедом был Катумер, вождь племени хаттов. К столь знатному происхождению он добавлял личные достоинства: молодой принц был красив лицом, статен и обучен всем военным упражнениям как римлян, так и германцев. Херуски, попросившие его себе в цари, получили согласие Клавдия, который одарил Италика богатыми дарами, дал ему охрану и, отправляя его, напутствовал возобновить славу предков. «Ты первый, – сказал он, – кто, родившись в Риме и воспитанный среди нас не как заложник, а как гражданин [28], отправится владеть чужеземным царством».

Сначала Италику всё удавалось. Поскольку он не участвовал в распрях, разделявших херусков, он относился ко всем одинаково и тем всем нравился. Он сочетал в своём поведении римские обычаи с нравами своего народа: с одной стороны, мягкость и умеренность избавляли его от врагов; с другой – излишества за столом и кутежи делали его приятным для варваров. Таким образом, его двор был многолюден, а слава начала распространяться.

Те, кто выделялся в прежних распрях, стали опасаться, что сами дали себе господина. Они удалились к соседним племенам и своими речами настраивали их против Италика. «Германия, – говорили они, – теряет свою свободу, и среди нас утверждается римское владычество.

Что же, разве среди природных германцев не нашлось никого, кто мог бы занять первое место, и нужно было искать в Риме сына предателя Флавия, чтобы вознести его над нами? Напрасно хотят почтить его родством с Арминием. Будь он даже его сыном [29], а не просто племянником, – воспитанный среди наших врагов, пропитанный рабским воспитанием и чужими нравами, чего нам от него не ждать? Но если он унаследовал отцовские чувства, то никто не сражался с большей ненавистью против отечества и против пенатов германцев, чем его отец».

Этими речами они возбудили умы и собрали большие силы. Италья, со своей стороны, имел значительную партию, и его друзья утверждали, что он пришел к власти не насильем, а был призван по выбору народа. «Он, – говорили они, – обладает преимуществом знатного происхождения: испытайте его доблесть и убедитесь, достоин ли он Арминия, своего дяди, и Катумера, своего деда. Ему даже нет причины стыдиться своего отца. Флавий вступил в союз с римлянами с согласия всех своих соплеменников. Разве можно винить его за то, что он не захотел нарушить свои обязательства? Напрасно безумцы громко кричат о свободе, тогда как сами, низкие и презренные в своем личном поведении, вредящие общему благу, питают надежды лишь в раздорах».

Обе стороны сошлись в битве, и царь одержал победу в жестоком сражении. Но удача его испортила. Он предался гордыне и жестокости; изгнанный своими же, восстановленный с помощью оружия лангобардов, он стал в равной степени бедствием для херусков как в дни своего процветания, так и в дни своих неудач.

Римляне не вмешивались в эти волнения и, следуя политике Тиберия, оставили херусков их раздорам. Однако они не могли игнорировать набеги, которые совершали канги в Нижней Германии. Эти племена ободрились известием о смерти Санквиния Максима, оставившего легионы на Нижнем Рейне без начальника, и прислушались к уговорам Ганнаска, который, будучи канинефатом [30] по происхождению и долго служив римлянам в качестве союзника, затем покинул их и, собрав легкие суда, совершал частые нападения на побережья, населенные галлами, зная, что те богаты и изнежены долгим миром.

Эти грабежи продолжались лишь до прибытия преемника Санквиния. Им оказался знаменитый Корбулон, не слишком отличившийся при Тиберии и Гае, но великий военачальник, которому, возможно, не хватило лишь жизни в эпоху, когда таланты могли свободно проявляться, чтобы сравняться в подвигах с самыми прославленными римскими полководцами. Едва прибыв в свою провинцию, он спустил по Рейну свои триремы, отправил лодки через озера и каналы, где большие суда не могли пройти из-за малой глубины, настиг вражеские корабли, захватил их или потопил и сразу восстановил спокойствие и безопасность на побережьях.

Но для него было мало того, что Ганнаск больше не смел показываться в море. Жажда славы, он замышлял завоевания и, как человек выдающийся, понимал, что должен начать с восстановления дисциплины в своей армии. Римские солдаты уже не знали ни трудов, ни тягот войны. Они, как варвары, увлекались набегами и грабежами. Корбулон вернул всю строгость древних военных законов. Он требовал, чтобы никто не отставал в походах и не вступал в бой без приказа; чтобы солдат на карауле, в дозоре, при всех дневных и ночных сменах всегда был вооружен; и рассказывают, что он казнил двоих за то, что они копали ров – один без меча, другой с кинжалом вместо меча. Тацит замечает, что такая суровость была бы чрезмерной и что, вероятно, эти факты преувеличены. Но можно заключить, говорит он, что полководец, считавшийся столь строгим в малом, проявлял крайнюю внимательность и был неумолим в серьезных делах.

Восстановление дисциплины возымело действие: оно укрепило мужество римских легионов, а враги утратили свою дерзость. Так фризы, которые почти двадцать лет с момента своего восстания [31], одержав ряд побед над Л. Апронием, оставались либо вооруженными, либо ненадежными подданными, теперь покорились; дав заложников, они ограничились землями,

назначенными им Корбулоном для поселения. Он установил для них форму правления, дал законы, сенат, магистратов; а чтобы надежнее держать их в узде, построил среди их земель форт, разместив в нем сильный гарнизон.

Затем он напал на Ганнаска, но исподтишка и с помощью ловушек. Он считал его дезертиром и предателем, против которого допустим обман. Уловка удалась; Ганнаск был убит, и его смерть разожгла страсти хауков. Именно этого и желал Корбулон, тщательно взращивая семена войны: за это его хвалило большинство, но порицали наиболее разумные. «Зачем, – говорили последние, – он стремится поднять против нас враждебные народы? Если случится беда, она падет на республику. Если же он одержит победу, воинская доблесть грозна в мирное время и непременно станет обузой для ленивого и праздного принцепса».

Это было своего рода предсказание, которое вскоре сбылось. Клавдий был так далек от желания предпринимать новые походы против германцев, что приказал Корбулону отвести римские легионы за Рейн. Уже стоя лагерем на вражеской земле, полководец получил этот приказ. Подобная неожиданность, без сомнения, породила в его душе множество мыслей. Он опасался зависти императора, презрения варваров, насмешек союзников. Но, будучи совершенно владеющим собой, он лишь произнес: «О, сколь счастлива и достойна зависти участь древних римских полководцев!» – и тут же подал сигнал к отступлению.

Однако он не хотел оставлять солдат в бездействии и занял их досуг рытьем канала между Рейном и Маасом на протяжении двадцати трех миль, чтобы предотвратить разливы океана и создать в таких случаях сток, защищающий страну от наводнений. Целларий, вслед за Клувером, полагает, что этот канал – тот, что начинается у Лейдена [32], проходит через Делфт, достигает Маасланда и соединяется с Маасом у деревни Слэйс.

Клавдий даровал Корбулону триумфальные отличия, хотя и лишил его возможности их заслужить.

Вскоре после этого он удостоил той же чести Курция Руфа, который, по-видимому, командовал в Верхней Германии и чьи подвиги свелись к разработке серебряного рудника на территории маггиаков [33]. Труд был велик, а плоды весьма скромны. Вскоре рудник забросили.

Полководцы привыкали утомлять своих солдат тяжелыми и зачастую бесславными работами, лишь бы иметь повод просить триумфальных отличий, которые Клавдий, как мы уже сказали, раздавал с крайней легкостью. Это породило письмо, ходившее как бы от имени армий, в котором императора умоляли заранее удостоивать триумфальных отличий тех, кому он вручит командование легионами.

Юст Липсий и президент Бриссон полагали, что этот Курций Руф, о котором мы только что говорили, – наш Квинт Курций, автор изящной истории Александра, столь знаменитой у нас и совершенно неизвестной в древности. Их догадка правдоподобна; и одно место в десятой книге Квинта Курция, кажется, явно указывает на волнения, последовавшие за смертью Калигулы, и на умиротворение, наступившее с воцарением Клавдия. Однако следует признать, что удивительно, как Тацит и Плиний Младший, довольно подробно описавшие жизненные перипетии этого человека, ни словом не обмолвились о его сочинении. Как бы то ни было, вот что эти писатели сообщают нам о судьбе Курция Руфа, необычной сама по себе и к тому же приукрашенной чудесами и вымыслами.

Происхождение его было весьма низким: некоторые называли его отцом гладиатора. Тацит оставляет нас в неведении на этот счет, не желая говорить ложь и, как он сам признается, стыдясь сообщить правду. Курций в юности примкнул к квестору, управлявшему Африкой, и прибыл в Адрумет. Там, когда он в самый зной бродил один по обширным портикам, перед ним внезапно предстало видение – женщина выше человеческого роста – и сказала:

«Руф, я – Африка. Ты придешь управлять этой провинцией в качестве проконсула и здесь умрешь». Ничто не казалось Курцию столь далеким от его участи, как такое высокое предназначение. Но чудо укрепило его дух. Вернувшись в Рим и благодаря, с одной стороны, живости ума, а с другой – щедрости друзей, он сначала получил квестуру. Затем ему удалось добиться претуры при Тиберии, обойдя кандидатов из знатнейших родов. Тиберий прикрыл темноту и даже позор его происхождения игрой слов: «Я считаю, – сказал он, – Курция сыном Фортуны». Кажется, он долго ждал консульства – и мало его заслуживал, судя по описанию Тацита, который изображает его отвратительным льстецом перед сильными, надменным со слабыми и трудным в общении с равными. Тем не менее он достиг этого; был удостоен, как я уже упоминал, триумфальных отличий; и, дабы ничто не помешало полному исполнению пророчества, ему по жребию выпало проконсульство в Африке. Но когда он прибыл в Карфаген, то же видение вновь предстало перед ним; и вскоре после этого, пораженный болезнью, которая никому из окружающих не казалась опасной, он, однако, счел ее смертельной – и событие подтвердило его предчувствие.

Тацит, несмотря на всё своё неверие, серьёзно рассказывает эту историю: Плиний Младший советуется с учёным о том, как ему к этому относиться. Что касается нас, мы не станем затрудняться, отсылая призрак Курция в одну категорию с драконом Нерона и множеством других подобных басен, которыми вкус людей к чудесному наполнил весь мир.

Плавтий вернулся в этом году из Британии и получил от Клавдия, как я уже говорил, малый триумф. Его преемником стал Осторий Скапула, храбрый и искусный воин, способный продолжать завоевания, начатые тем, кого он сменил.

Клавдий едва не погиб от покушения, заговор и мотивы которого остались неизвестными, хотя виновный был обнаружен. Задержали Гн. Новия, римского всадника [34], вооружённого кинжалом среди толпы тех, кто пришёл приветствовать императора. Его арестовали и подвергли пытке: он признал свою вину, но не назвал сообщников.

Римляне были так страстно увлечены зрелищами, что стремились лишь умножать их. По требованию Долабеллы сенат постановил, чтобы те, кто впредь будет получать квестуру, обязаны были за свой счёт устраивать бои гладиаторов. Тацит справедливо осуждает этот указ, которым должности, должны даваться по заслугам, были оценены и, в некотором роде, выставлены на продажу.

Вителлий, бывший тогда цензором, на следующий год увидел своих двух сыновей консулами, но не одновременно. Старший, впоследствии ставший императором, занимал консульство первые шесть месяцев, а его брат сменил его на последние шесть.

А. Вителлий. – Л. Випстан [35]. От основания Рима 799. От Р. X. 48.

Цензура не ограничивалась сроком в один год. Первоначально она длилась пять лет; затем была сокращена до восемнадцати месяцев. Клавдий и Вителлий-отец исполняли её по крайней мере в течение этого срока. Достоверно то, что они оставались цензорами и в тот год, когда оба Вителлия последовательно были консулами: именно к этому году Тацит относит важнейшие мероприятия цензуры Клавдия.

Речь шла о пополнении сената; и по этому случаю знатнейшие и наиболее выдающиеся мужи Галлии, называемой римлянами «волосатой», просили о допущении в его состав. Вся Цизальпийская Галлия уже давно в полной мере пользовалась привилегиями, связанными со званием римского гражданина. Нарбонская Галлия также дала Риму сенаторов и консулов. Даже в областях, покорённых Цезарем (о которых здесь идёт речь), представители знати получили титулы союзников Рима и римских граждан. Но им недоставало входа в сенат, а значит – и доступа к высшим должностям империи; к этому они стремились с величайшим рвением.

Их усилия добиться этого вызвали шум в Риме, и императору было подано немало представлений по этому поводу. Говорили, что Италия не настолько истощена, чтобы не суметь наполнить сенат своей столицы. Наши предки, чьи примеры справедливо приводятся, были

столь строги в этом вопросе, что не желали видеть в сенате никого, кроме чистокровных римлян. Разве мало того, что народы Транспаданской Галлии, венеты и инсубры прорвались в сенат? И неужели не успокоятся, пока не введут туда толпу чужеземцев, которые, можно сказать, возьмут нас в плен в самом сердце империи? Какие привилегии останутся у драгоценных остатков древней римской знати? Что станет с бедными сенаторами из Лация? Всё будет затоплено и поглощено этими богачами, чьи отцы и деды рубили наши легионы на куски, осаждали Цезаря в Алезии. Эти события ещё свежи в памяти. Что бы было, если бы вспомнили сожжённый город, Капитолий, атакованный этим же народом? Пусть они пользуются именем римских граждан – но пусть почитают и не посягают на сенаторское достоинство и преимущества магистратур.

Клавдий ничуть не поколебался от этих речей и не был тронут этими доводами. Он созвал сенат, и вот как Тацит передаёт его речь:

Мои предки, из которых древнейший, Атта Клавз, сабин по происхождению, был одновременно удостоен римского гражданства и звания патриция, призывают меня управлять республикой по тем же принципам, какими руководствовались они сами, и подражать им, перенося сюда всё лучшее и совершенное, где бы оно ни находилось. Кто не знает, что Юлии пришли к нам из Альбы, Корункании – из Камериума, Порции – из Тускула! И, не углубляясь в древность, Этрурия, Лукания и вся Италия уже давно поставляют нам сенаторов. Мы даже расширили границы Италии до Альп [36], чтобы включить в государство не только отдельных лиц, но целые народы и племена. Ничто так не способствует укреплению внутреннего спокойствия и нашей власти, внушающей уважение иностранцам, как наши колонии, рассеянные по всему миру и смешанные с лучшими представителями местных народов. Разве мы рассказываемся, что приняли из Испании Бальбов, а из Нарбоннской Галлии – многих знаменитых мужей? Их семьи остались среди нас и ничуть не уступают нам в любви к нашей родине, ставшей и их родиной. Что погубило лакедемонян и афинян, несмотря на их военное могущество, как не их смехотворная ревность к праву гражданства, из-за которой они исключали покорённые народы из своих городов и всегда обращались с ними как с чужеземцами? Напротив, наш основатель проявил столь превосходную мудрость, что часто один и тот же день видел один и тот же народ и врагом, и гражданином Рима. У нас были цари-чужеземцы. Даже допущение сыновей вольноотпущенников [37] к магистратурам – что некоторые считают новшеством нашего времени – имеет примеры в древности.

Мне возражают, что мы воевали с сенонами. Но разве вольски и эквы никогда не сражались против нас? Наш город был взят галлами. Но мы давали заложников этрускам, а самниты заставили нас пройти под ярмом. В конце концов, если вспомнить все наши войны, ни одна не была завершена так быстро, как та, что сделала нас властителями Галлии. И со времени её покорения непрерывный и нерушимый мир свидетельствует о преданности этих народов. Они переняли наши нравы, изучили наши искусства, смешали свою кровь с нашей через браки. Позволим же им приносить нам своё золото и богатства, вместо того чтобы владеть ими единолично и без нас. Сенаторы, всё, что теперь считается древнейшим, когда-то было новым. Плебеи получили доступ к магистратурам после патрициев, латины – после плебеев, прочие народы Италии – после латинов. То же будет и с нынешним установлением. Со временем оно обретёт почтение, подобающее древности, и то, что мы сегодня подкрепляем примерами, само станет примером.

Эта речь, вложенная Тацитом в уста Клавдия, может считаться сокращённым изложением той, которую император действительно произнёс в сенате. В этом легко убедиться, сравнив её с подлинным фрагментом речи Клавдия, сохранившимся до наших дней в лионской ратуше и включённым Юстом Липсием в его комментарии к Тациту. Там мы находим и опровержение упрека в новшествах ссылкой на перемены в управлении Римской республики, и довод, основанный на неизменной преданности Галлии Римской империи со времени её покорения

Цезарем. Всё это изложено вяло, многословно, с излишними отступлениями, но язык плавный и не лишён изящества.

Одно из упомянутых отступлений – проявление тщеславия Клавдия по поводу завоевания части Британии.

Если бы я стал здесь перечислять, – говорит он, – какими войнами начали наши предки и как далеко мы расширили наше владычество, я бы опасался, что меня заподозрят в тщеславной гордости из-за того, что границы империи отодвинуты за Океан.

Не знаю, сочтут ли читатели, ознакомившись с этим фрагментом полностью, что Тацит оказал нам дурную услугу, заменив подлинную речь Клавдия своей. Если бы он дословно воспроизвёл её в своём сочинении, историческая точность была бы соблюдена строже, но читатели со вкусом остались бы менее довольны. Он мог бы сохранить эту речь отдельно от основного текста, если бы древние стремились к той же точности, какую мы ценим сегодня, и если бы им пришло в голову, как теперь принято, помещать в конце своих исторических трудов собрания доказательств и оригинальных документов.

Речь императора повлекла за собой соответствующий сенатусконсулт, и галлы, ещё сто лет назад бывшие врагами Рима, получили право занимать высшие должности. Этот пример, как и предвидел Клавдий, был впоследствии повторён, и полное право гражданства, распространяясь постепенно, привело в конце концов к тому, что все подданные империи стали римлянами. Покорённые народы разделили почести с народом-победителем; сенат открылся для всех, и они могли даже претендовать на императорскую власть. Таким образом, благодаря римскому милосердию все народы слились в один, и Рим стал считаться общим отечеством.

Эта политика, столь мягкая и справедливо восхваляемая г-ном Боссюэ, имела, однако, как и всё человеческое, свои недостатки. Принципы древнего Рима исказились от смешения с множеством чужеземных нравов. Варвары, часто носившие лишь имя римлян, захватывали высшие должности и даже императорское достоинство. Август был бы крайне удивлён, если бы мог предвидеть, что, устанавливая в Риме монархическое правление, он трудился для галлов, африканцев, иллирийцев и фракийцев, которым суждено было стать его преемниками.

Эдуи первыми из галльских народов получили новую привилегию. Эта честь была им оказана в знак признания их давнего союза и звания «братьев римлян», которым они давно гордились.

В то же время Клавдий создал новые патрицианские семьи, поскольку число не только истинно древних родов, но и тех, что были добавлены Цезарем, а затем Августом, с каждым днём уменьшалось. Его выбор пал на самых знатных сенаторов, отличившихся как своим происхождением, так и должностями, которые занимали они или их отцы.

Из них нам известен по имени лишь один – Л. Сальвий Отон, отец императора Отона. Его род происходил из Ферентина в Тоскане, где занимал видное положение. Его отец, возвысившийся благодаря влиянию Ливии, однако, не прошёл дальше претуры. Сам он был особенно любим Тиберием, на которого так походил лицом, что многие считали его сыном императора. Это был достойный человек, прошедший все ступени почётных должностей до консулата. На всех этих постах, а также в других доверенных ему должностях, вплоть до проконсульства в Африке, он приобрёл репутацию строгого человека. Мы уже приводили один пример этого после мятежа и смерти Камилла Скрибониана и говорили, что Клавдий сначала обиделся на него, но затем возобновил с ним дружбу. Когда он включил его в число патрициев, то произнёс ему большую похвалу, закончив словами:

Я сочту себя счастливым, если мой сын будет на него похож.

Я уже говорил, что среди тех, кто был исключён из списка сената во время цензуры Клавдия, были и такие, кто удалился добровольно, поскольку их скромное состояние не позволяло поддерживать блеск сенаторского достоинства. Тацит добавляет, что эта дверь была открыта даже для тех, чья репутация была запятнана. Клавдий уговаривал их просить отставки, заявив,

что он назовёт вместе и без разбора тех, кого исключил из сената, и тех, кто удалился по собственной воле, чтобы уменьшить позор клейма бесчестия. Но такое смешение, выгодное для виновных, кажется мне несправедливым по отношению к тем, кого невинные причины или даже остаток стыда побудили уйти добровольно. Тем не менее, эта снисходительность была встречена с большим одобрением, и консул Випстан предложил присвоить Клавдию титул «Отца сената».

Ибо, – сказал он, – титул «Отца отечества» стал слишком обычен: новые по своему характеру благодеяния требуют и новых почётных званий.

Сам Клавдий пресёк эту чрезмерную лесть консула.

Завершение люстра прошло обычным образом. Число римских граждан, согласно общепринятому тексту Тацита, составило шесть миллионов девятьсот шестьдесят четыре тысячи душ. Эта перепись дала один из самых редких примеров человеческой жизни, продлённой за обычные пределы. Некий Т. Фуллоний из Бононии объявил себя стопятидесятилетним, и поскольку это казалось невероятным (как оно и было), Клавдий приказал проверить факт по записям прежних переписей.

Примечания:

[1] Страбон (кн. II, стр. 120) выражается точно, когда говорит, что самая западная точка Британии находится к северу от Испании.

[2] ГОРАЦИЙ, «Оды», III, 4.

[3] ИЕРОНИМ, «Против Иовиниана», II, 6.

[4] ЦИЦЕРОН, «К близким», VII, 7.

[5] Название этих островов происходит от самого олова, которое греки на своем языке называют *κασσίτερος* (касситерос) или *stannum*.

[6] См. «Торговый словарь», статья «Жемчуг».

[7] ТАЦИТ, «Агрикола», 13.

[8] ПОМПОНИЙ МЕЛА, III, 6.

[9] Уиссан (ныне Уэссан, Франция).

[10] Булонь-сюр-Мер.

[11] Сейчас это Малдон, согласно Кэмдену. Но один английский ученый, цитируемый в словаре Ламартина (статья *Samulodunum*), опровергает это мнение и помещает этот город в миле от деревни Уолден, в графстве Эссекс, к западу.

[12] ТАЦИТ, «Агрикола», 13.

[13] СВЕТОНИЙ, «Клавдий», 24.

[14] 37 ливров 10 су = 58 франков 44 сантима по расчету г-на Летронна.

[15] 155 ливров 6 су = 243 франка 50 сантимов по расчету г-на Летронна.

[16] ТАЦИТ, «Анналы», XI, 3.

[17] Г-н де Тиллемон говорит, что Сенека называет этот новый остров Терасией, что было бы непростительной ошибкой, поскольку Терасия упоминается у Страбона, писавшего при Тиберии. Небольшая правка Гронове, основанная на рукописях, избавляет Сенеку от этого упрека. Этот критик читает: *Theran, Therasiam, et hanc nostræ ætatis insulam* (СЕНЕКА, «Естественные вопросы», VI, 21).

[18] ТАЦИТ, «Анналы», XI, 1.

[19] 187 500 ливров = 292 253 франка по расчету г-на Летронна.

[20] 125 000 ливров = 194 835 франков по расчету г-на Летронна.

[21] ТАЦИТ, «Анналы», XI, 4.

[22] 50 000 ливров = 77 934 франка по расчету г-на Летронна.

[23] 1250 ливров = 1948 франков по расчету г-на Летронна.

[24] КВИНТИЛИАН, «Наставления оратору», XII, 7.

[25] См. «Трактат об изучении красноречия в суде», статья 3.

[26] Если спросят, почему мы не следуем принятому у римлян способу исчисления лет от основания Рима, мы ответим, что Тит Ливий, которым руководствовался г-н Роллен в начале «Истории Римской республики», по мнению опытных хронологов, придерживался взглядов Катона. В периоды, где хронология Рима неясна (а она становится точной только после войны с Пирром), эта система удобнее и логичнее. Раз приняв ее, приходится следовать ей до конца, а разница в два года несущественна для такой долгой истории, как история Рима.

[27] ТАЦИТ, «Анналы», XI, 12.

[28] Флавий, его отец, несомненно, был гражданином и, возможно, римским всадником.

[29] Здесь я немного отступаю от текста Тацита по причинам, которые было бы слишком долго излагать и которые большинству моих читателей не нужны.

[30] Каннинифаты занимали часть острова, на котором жили батавы.

[31] 779 год от основания Рима.

[32] Рийкиус в своих примечаниях резко оспаривает это мнение. Предоставляю дискуссию географам.

[33] Марбург.

[34] Этот факт очень похож на рассказ Светония («Клавдий», 13). Я уже упоминал об этом.

[35] Рийкиус утверждает, что именно так следует читать имя этого консула, а не *Vipsanius*, как в распространенных изданиях Тацита.

[36] В древности вся так называемая Цизальпинская Галлия не считалась Италией.

[37] Светоний («Клавдий», 24) утверждает, что Клавдий ошибался в этом пункте и неправильно понял значение латинского слова *libertinus*, которое в его время означало вольноотпущенника, но в глубокой древности обозначало сына вольноотпущенника. Не знаю, легко ли сегодня решить этот спор, который, впрочем, не слишком для нас важен.

Книга Вторая

§ I. Брак Мессалины с Силием

А. Вителлий. – Л. Випстан. От основания Рима 799. От Р. X. 48.

Под конец этого года Клавдий узнал о своем домашнем позоре. Потребовалось, чтобы он проявился сверх всякой меры, чтобы мог достигнуть его слуха.

Силий, ослепленный ли своими надеждами или думая, что опасность, которой подвергала его открытая связь с Мессалиной, может быть устранена только доведением дела до крайности, настоятельно убеждал эту принцессу сбросить маску и завершить предприятие. Он представлял ей, что нечего ждать смерти Клавдия. Те, кому не в чем себя упрекнуть, могут избирать безобидные пути; но у преступников нет иного спасения, кроме отваги. «Нас поддерживает, – прибавил он, – множество сообщников, которых обуревают те же страхи, что и нас. Я не женат, у меня нет детей: я готов жениться на вас и усыновить Британника. Вы сохраните прежнюю власть и будете наслаждаться ею без тревоги, если только мы предупредим Клавдия, который неосторожен против козней, но гнев которого внезапен и склонен к скорой мести».

Мессалина выслушала эту речь довольно холодно, не из любви к мужу, но потому, что боялась, как бы Силий, достигнув вершины своих желаний, не стал бы презирать ее и не оценил бы тогда по достоинству преступление, которое нравилось ему, пока было ему необходимо. Тем не менее она одобрила проект брака, который манил ее бесчестьем, – последним удовольствием, говорит Тацит, для тех, кто пресытился всеми другими от чрезмерного их употребления. Она ухватилась за эту мысль и осуществила ее без промедления. Клавдий отправился в Остию, где должен был пробыть некоторое время, и Мессалина с Силием публично обвенчались на глазах у всего города, со всеми обычными церемониями, со всей пышностью и великолепием, подобающими законному браку лиц столь высокого звания. Говорят даже, что брачный контракт был подписан самим Клавдием, которому Мессалина внушила, что дело идет об отвращении от его головы некоей опасности, предсказанной гадателями.

Этот факт должен казаться невероятным, и те, от кого мы его узнали, чувствовали это. Но нет факта, лучше засвидетельствованного; и писатели, почти современные, которые его подтверждают, не оставляют нам никакой свободы сомневаться в нем хоть сколько-нибудь.

Мессалина совершила большую оплошность, восстановив против себя вольноотпущенников. Действуя заодно с ними, она до тех пор безнаказанно совершала величайшие преступления. Но, погубив Полибия, о котором мы уже имели случай говорить, одного из самых влиятельных среди них, она встревожила их всех страхом подобной участи. Этот страх еще более усилился из-за ее брака с Силием. Весь дом принца содрогнулся. Особенно самые могущественные из вольноотпущенников, видя, к чему клонится столь странный поступок, и чувствуя, что в случае переворота они окажутся наиболее уязвимыми, делились друг с другом своими опасениями и взаимно побуждали принять меры для безопасности своего господина и своей собственной. Они громко говорили, что, пока императорское ложе осквернял мим, бесчестье было ужасно, но не представляло никакой опасности: не то с молодым человеком знатного рода, которому его возраст, гордость за свою красоту и близкое консульство могли внушить самые высокие надежды. Они хорошо понимали, что в задуманном ими предприятии есть риск: что нельзя рассчитывать на Клавдия, глупого, как он был, и привыкшего повиноваться жене: что Мессалина умела диктовать смертные приговоры и приводить их в исполнение по своему произволу. С другой стороны, сама слабохарактерность Клавдия их обнадеживала; и, если бы им удалось сразу взять верх и предвосхитить впечатление принца чудовищностью преступления, они надеялись так быстро покончить с делом, что Мессалина была бы осуждена, прежде

чем ее успели бы выслушать. Но они понимали, что главное – не дать ей возможности быть выслушанной и закрыть уши принца для ее мольб, даже если бы она решилась во всем признаться.

Таковы были размышления, которые вели между собой Каллист, Нарцисс и Паллант. Они некоторое время колебались в нерешительности, и чуть было не приняли половинчатого решения, которое неминуемо погубило бы их. А именно – тайно пригрозить Мессалине, чтобы отвлечь ее от страсти к Силию. Но, все хорошо обдумав, они легко поняли, что Мессалина, предупрежденная об опасности, не преминет обрушить ее на них. Испуганные трудностью столь щекотливого дела, двое из них отказались от него; Паллант – по малодушию; Каллист – потому что, искушенный в придворных интригах еще со времен Калигулы, он знал, что при дворе лучше держаться осмотрительности и политического такта, чем отваги на авантюры. Нарцисс остался тверд, держась единственной системы, которая могла иметь успех, а именно – обратиться прямо к Клавдию, чтобы заставить Мессалину врасплох.

Случай был благоприятен, потому что Клавдий пробыл в Остии довольно долго. Нарцисс подкупил двух наложниц принца, Кальпурнию и Клеопатру, деньгами и обещаниями, рисуя им увеличение их влияния после падения императрицы, и убедил их донести на нее. Кальпурния, застав Клавдия одного, пала к его ногам и объявила ему о браке Мессалины с Силием. В то же время она обратилась к Клеопатре, которая по уговору с ней присутствовала, и спросила, слышала ли та об этом; и когда та ответила, что знает, Кальпурния просила императора позвать Нарцисса. Тот вошел и прежде всего умолял Клавдия простить ему, что он не предупредил его о других беспорядках Мессалины. «Теперь даже, – сказал он, – я упрекаю ее не просто в прелюбодеянии. Силия обслуживают ваши рабы; его дом полон вещами Цезарей. Но не это возбуждает мое усердие. Позвольте ему, если хотите, пользоваться всем великолепием императорского сана; но пусть он вернет вам вашу супругу и аннулирует брачный контракт, заключенный с ней. Знаете ли вы, – прибавил он, – что вы разведены? Брак Силия имел свидетелями народ, сенат, солдат; и, если вы не поспешите, новобрачный овладеет городом».

Клавдий велел немедленно созвать главных своих советников. Первым явился Турраний, заведующий продовольствием; затем Лузий Гета, префект преторианских когорт. Он спросил их, что ему думать о браке Мессалины. Они подтвердили факт: и в тот же момент все остальные, которые сбежались, стали уговаривать императора отправиться в лагерь преторианцев, обеспечить себе верность солдат, подумать о своей безопасности прежде, чем о мщении. Клавдий был так напуган, что несколько раз спрашивал, император ли он еще, не перешла ли власть в руки Силия.

Однако Мессалина, предаваясь более чем когда-либо удовольствиям и разврату, праздновала во дворце сбор винограда. Давили виноград в прессах, чаны наполнялись вином, и вокруг женщины, одетые в звериные шкуры, плясали и носились туда-сюда, словно вакханки. Распустив волосы и размахивая тирсом, Мессалина, а рядом с ней Силий, увенчанный плющом и обутый в котурны, подражали быстрым движениям головы, принятым среди жрецов Вакха, в то время как шумная толпа отвечала им криками и всеми знаками безудержного веселья.

[После событий вспомнилось одно слово Вектия Валенса, одного из самых отъявленных развратников этой компании. Он вздумал в шутку залезть на высокое дерево, и когда его спросили, что он видит, ответил: «Я вижу яростную бурю, идущую со стороны Остии».]

И действительно, опасность приближалась: праздник был внезапно нарушен – сначала смутным шумом, потом достоверными известиями о том, что Клавдий всё знает и едет с твердым намерением отомстить. Все разбежались. Мессалина укрылась в садах Лукулла, которые недавно захватила после смерти Азиатика. Силий отправился на форум, чтобы исполнять свои обычные обязанности, скрывая оправданный страх под видом беспечности. Вскоре прибыли центурионы, посланные императором, и схватили виновных, где бы те ни находились – будь то в общественных местах или в укрытиях, куда они попытались спрятаться.

Мессалина в столь ужасный момент не потеряла головы. Она решительно направилась навстречу Клавдию, намереваясь предстать перед своим супругом, зная, как часто этот приём ей помогал. Одновременно она приказала привести Британника и Октавию, чтобы те обняли отца, и умоляла Вибидию, старейшую весталку, испросить для неё милости у великого понтифика. Итак, она отправилась в сопровождении лишь трёх человек, прошла пешком через весь город и, найдя у ворот телегу, взобралась на неё и поехала в Остию – и всё это без единого сочувствующего взгляда, ибо ужас перед её поведением заглушал все прочие чувства.

Расчёты Мессалины были верны, но ей противостоял бдительный враг. Нарцисс, не доверяя префекту претория Лузию Гете – человеку без принципов, в равной мере способному на добро и зло в зависимости от обстоятельств – открыто заявил Клавдию, подкрепляя свои слова мнением тех, кто разделял его опасения, что жизни императора ничто не угрожает, лишь если на этот день командование гвардией будет передано одному из вольноотпущенников, и предложил взять это на себя. Более того, опасаясь, что во время пути из Остии в Рим (хотя он и недолог) речи Вителлия и Цецины Ларга не поколеблют дух Клавдия и не заставят его изменить решение, он попросил и получил место в императорской повозке.

Клавдий метался в речах. То он выказывал жгучую ярость против ужасных пороков Мессалины, то воспоминание о брачных узах смягчало его, особенно при мысли о малолетних детях. На эти противоречивые замечания Вителлий отвечал лишь: «О позор! О преступление!» Нарцисс настаивал, чтобы тот высказался яснее и раскрыл свои истинные чувства. Но от этого царедворца он добился лишь двусмысленных слов, допускавших любые толкования в зависимости от обстоятельств; Цецина же подражал этой искусной скрытности.

Тем временем Мессалина приближалась и громко требовала, чтобы мать Британника и Октавии выслушали в свою защиту. Обвинитель кричал ещё громче, напоминая о её браке с Сицием, и, чтобы отвлечь внимание Клавдия от Мессалины, подал ему записку с перечнем всех её преступлений. При въезде в город приготовились представить императору Британника и Октавию, но Нарцисс велел увести их. Весталку он отстранить не смог: та напомнила Клавдию, что священные законы обязывают его не осуждать жену, не выслушав её оправданий. Нарцисс ответил, что император даст ей слово и полную свободу защищаться, а пока весталке лучше заняться религиозными обрядами, к которым её обязывает долг. Всё это время Клавдий хранил молчание с непостижимой тупостью; Вителлий делал вид, будто не понимает, о чём идёт речь; всем распоряжался вольноотпущенник.

Нарцисс повёл императора напрямик в дом Сиция и, показав ему в прихожей почётно размещённое изображение отца Сиция (хотя сенатским постановлением его память была опозорена), продемонстрировал мебель и драгоценности, некогда украшавшие дома Неронов и Друзов, а ныне ставшие наградой за разврат и прелюбодеяние.

Это зрелище разъярило Клавдия, и он заговорил в угрожающем тоне. Видя его настроение, Нарцисс поспешно доставил его в лагерь преторианцев, где войска были собраны для встречи. Император, подсказанный вольноотпущенником, произнёс краткую речь – ибо если негодование и рвалось наружу, то стыд его сдерживал. Солдаты, разделяя праведный гнев императора, громко требовали назвать имена виновных, дабы свершить скорый и суровый суд.

Первым предстал перед трибуналом Сиций. Проявив мужество, которого нельзя было ожидать от человека, погрязшего в разврате, он не пытался оправдаться, не искал отсрочки и просил лишь об одном – о быстрой казни. Многие другие – и сенаторы, и всадники – погибли с той же твёрдостью. Лишь Мнестер колебался и пытался защищаться. Когда с него сорвали одежду, он кричал, что стал преступником против воли, и напоминал, что император сам приказал ему во всём повиноваться Мессалине. Клавдий, всегда слабый, дрогнул и уже готов был смягчиться. Но вольноотпущенники указали ему, что, проявив строгость к столь знатным лицам, негоже миловать какого-то актёра, да и неважно, был ли Мнестер преступником поневоле или добровольно. Так он был казнён. Не выслушали и защиту всадника Траула

Монтана, молодого человека безупречного поведения, который, увы, приглянулся Мессалине своей красотой и был единожды вызван на её развратное сборище. Плавтия Латерана помиловали в память о недавних заслугах его дяди, покорившего часть Британии. Суилий Цезоний обязан жизнью своим порокам, столь низким, что они лишали его даже человеческого достоинства.

Мессалина не оставила надежды спасти свою жизнь и вернуть себе милость. Уединившись в садах Лукулла, она обдумывала оправдательную речь и мольбы, чтобы умиловить Клавдия; иногда даже она предавалась приступам гнева и угрожала своим врагам – так много гордости оставалось в ней даже в том крайнем положении, в которое она была поставлена. И ее угрозы могли бы оказаться не пустыми, если бы Нарцисс не поспешил предупредить их. Ибо Клавдий, вернувшись во дворец и возлегши за стол, когда разгорячился от вина и обильной трапезы, приказал известить «эту несчастную» (так он выразился), чтобы она приготовилась на следующий день дать ответ по выдвинутым против нее обвинениям. Нарцисс понял, что гнев принцепса ослабеваает, что любовь вновь берет верх, и что, если он хочет предотвратить примирение, нельзя терять ни мгновения. Он вышел и от имени императора приказал трибуну и нескольким центурионам, находившимся в карауле, немедленно убить Мессалину. Вольноотпущенник Эвод сопровождал их, чтобы наблюдать за исполнением приказа.

Они нашли ее лежащей на земле в обществе своей матери Лепиды [1], которая, поссорившись с дочерью в дни ее процветания, теперь растрогалась ее несчастьями. Лепида уговаривала дочь не ждать убийц, говоря, что для нее жизнь уже кончена и остается лишь умереть достойно. Но, как пишет Тацит, решительный поклонник самоубийства, «размягченная развратом душа уже не способна была ни к каким благородным порывам», и Мессалина лишь пролиwała бесполезные слезы и жаловалась. В этот момент явились посланные убить ее. Трибун молча предстал перед ней; вольноотпущенник же, с низостью, достойной его прежнего состояния, осыпал ее упреками и оскорблениями. Только тогда Мессалина поняла, что для нее все потеряно; она схватила меч, но тщетно пыталась пронзить себя. Трибун пронзил ее своим мечом. Матери позволили совершить последние обряды и похоронить ее с почестями.

Когда Клавдию, все еще сидевшему за столом, сообщили, что с Мессалиной покончено, не уточняя обстоятельств ее смерти, он не стал ничего выяснять, потребовал вина и закончил трапезу так же спокойно, как и начал. И в последующие дни в нем не было заметно ни ненависти, ни радости, ни гнева, ни печали – вообще никаких чувств, свойственных человеческой природе. Ни торжество обвинителей его жены, ни горе его детей – ничто не могло вывести его из тупого равнодушия. Сенат поддержал это, постановив, чтобы все надписи и изображения Мессалины были уничтожены и убраны отовсюду – как из общественных мест, так и из частных владений.

Нарциссу были пожалованы знаки квестора – слабая награда для этого вольноотпущенника, чье влияние в то время превосходило даже влияние Каллиста и Палланта [2].

Мессалина была третьей женой Клавдия: я не учитываю двух девушек, с которыми он был лишь обручен. Первой его женой была Плавтия Ургуланилла, чей отец заслужил в Иллирии триумфальные отличия. От нее родился тот сын Клавдия, которого обручили с дочерью Сеяна и который погиб при самых странных обстоятельствах, как я уже рассказывал в жизнеописании Тиберия. У Плавтии была также дочь по имени Клавдия, но она была плодом ее прелюбодеяния с вольноотпущенником мужа. Преступление раскрыли, и, более того, Плавтию заподозрили в причастности к убийству. По этим двум причинам Клавдий с позором развелся с ней; а ее дочь, которой было всего пять месяцев, он, отвергнув, приказал положить у ее дверей. Затем он женился на Элии Пет

Мессалина была третьей женой Клавдия, ибо я не считаю двух молодых людей, которые были с ним обручены. Итак, первой его женой была Плаутия Ургуланилла, чей отец заслужил честь триумфатора в Иллирии. У нее родился сын Клавдий, который был обещан в жены

дочери Сеяна и погиб в результате необычайного несчастного случая, о чем я сообщал в разделе о Тиберии. У Плаутии также была дочь по имени Клавдия, но она была плодом прелюбодейной связи с одним из вольноотпущенников ее мужа. Преступление было раскрыто, и Плаутию также заподозрили в причастности к убийству. По этим двум причинам Клавдий с позором отрекся от нее и, отослав к ней ее дочь, пятимесячного ребенка, выставил ее за дверь своего дома. Затем он женился на Элии Петине из рода Туберонов, и у него родилась Антония, которую он выдал замуж сначала, как я уже говорил, за кн. Помпония Магнуса, а затем за Фаустуса Корнелия Силлу, после того как его первый зять был убит. Он развелся с Элием по довольно незначительным причинам и взял в жены Мессалину, поведение которой мы только что описали, и катастрофическую судьбу которой она вполне заслужила.

На первой волне возмущения, вызванного ужасными выходками Мессалины, он заявил преторианским солдатам, что, поскольку его браки были столь неудачны, он останется безбрачным и что, если он когда-нибудь снова женится, он позволит им обратить против него свое оружие и пронзить его мечами. Но решения Клавдия были недолгими. Привыкший к тому, что им управляли жены и во всем зависели от их воли, он никак не мог привыкнуть к состоянию, когда ему приходилось самому принимать решения, когда от него зависело распоряжение его личностью и его поступками. Свобода смущала его, и вольноотпущенники, видя, что он так себя чувствует, решили подыскать ему жену, но разделились в выборе. Таким образом, семья принца разделилась на враждующие группировки, а среди дам, считавших, что они могут претендовать на столь высокое звание, разгорелась еще большая вражда. Каждая приводила в пример свое благородство, красоту и богатство и принижала соперниц. В конце концов спор свелся к трем, каждая из которых имела в качестве защитника одного из трех самых влиятельных вольноотпущенников. Лоллию Паулину поддерживал Каллист, Элию Петину – Нарцисс, а Агриппину – Паллас. Что касается Клавдия, то он склонялся то в одну, то в другую сторону, в зависимости от впечатления от речей, которые он слышал в последнее время. Не имея возможности занять определенную позицию, он созвал трех вольноотпущенников на совет и приказал им объяснить причины своих разногласий.

Нарцисс выступил первым и заявил, что предложенный им союз не является новым. Он сказал, что Элия уже была женой Клавдия и что у нее есть дочь от него, которая еще жива. Поэтому в императорском доме ничего не изменится, если она вернется в него, и нет причин опасаться, что она будет смотреть на Британника и Октавию глазами мачехи, которые были ее ближайшими родственниками после собственных детей. Каллист же утверждал, что ни в коем случае не следует возвращать жену, которой император в результате долгого развода дал явные доказательства своего недовольства; что искать ее снова – значит раздувать ее гордыню; и что лучше выбрать Лоллию, которая, не имея собственных детей, не будет иметь оснований для ревности к детям мужа и займет место их матери. Паллас, в свою очередь, рассуждая на совершенно противоположных принципах, особенно настаивал в пользу Агриппины на том, что у нее есть сын, которого можно считать одним из сторонников дома Клодов и дома Юлиев [3], чье великолепие он объединял. Кроме того, – добавил он, – Агриппина доказала свою плодовитость: она в самом расцвете сил. Разве правильно позволить ей перенести славу и имя Цезарей в другой дом? Эти доводы возобладали, чему способствовали ласки Агриппины, которая в силу привилегии племянницы входила в дом императора в любое время суток и, пользуясь непринужденностью дяди, разжигала кровосмесительное пламя в этом открытом со всех сторон сердце.

Выбор был сделан, и Агриппина, еще не став женой, уже пользовалась властью своего брака. С тех пор она стремилась ввести своего сына Домиция в семью Клавдия, женившись на Октавии. Но этот план не мог быть осуществлен без коварства. Ведь юная принцесса уже давно была обещана Силану. Кроме того, Силан заслуживал огромного уважения: он принадлежал к высшей знати и был прямым потомком Августа. Наконец, Клавдий выполнил взятые

на себя обязательства: украсил его триумфальными украшениями и устроил народу великолепное зрелище в его честь. Но с принцем, у которого не было собственных чувств и который получал извне впечатления уважения или ненависти в зависимости от того, нравилось ли приближенным заронить их в его душу, ничего не было сложно.

Вителлий и здесь сыграл свою роль. Стремясь создать себе благоприятные условия для зарождающегося кредита, он подружился с Агриппиной: прикрываясь подневольным именем цензора, он напал на репутацию Силана, у которого действительно была сестра, чья красота не была дополнена мудростью. Вителлий навел одиозные подозрения на дружбу брата и сестры, в которой не было преступления, но, возможно, неосмотрительность: Клавдий слушал эти речи, склонный из-за нежности к дочери легко тревожиться за зятя.

Силан думал не о чем ином, как о заговоре против него: в то время он даже был претором; и он был очень удивлен, когда внезапно исключил себя из сената приказом Вителлия в качестве цензора, хотя список сенаторов был составлен и канделябр закрыт за несколько месяцев до этого. В то же время Клавдий отказался от своего слова и разорвал запланированный союз. Силан был вынужден отказаться от преторства, а оставшееся место в течение трех дней занимал Эприй Марцелл, человек опасного красноречия, о котором мы еще не раз будем иметь повод говорить в дальнейшем.

Так закончился тот год: в следующем консулами были Помпей и Вераний.

С. ПОМПЕУС ЛОНГИНУС ГАЛЛУС. – Q. VERANIUS. ГОД Р. 800. 49 Г. Н.Э.

При этих консулах брак, заключенный между Клавдием и Агриппиной, перестал быть тайной. Слава о нем распространялась повсюду: они сами не стеснялись и не скрывали этого. Тем не менее Клавдий не решался приступить к торжеству, поскольку не было примера, чтобы дядя женился на дочери брата. Мысль об инцесте пугала его, и он даже боялся, что, если он продолжит, этот незаконный союз обрушит на империю гнев богов.

Вителлий взял на себя труд устранить эти сомнения. Он спросил его, намерен ли он противиться приказам народа и власти сената. Клавдий с невозмутимой скромностью ответил, что он один из граждан и что единодушное согласие народа устанавливает для него закон. Вителлий вышел оттуда и, войдя в сенат, объявил, что у него есть дело, касающееся спасения республики; попросив и получив разрешение говорить раньше всех, он объяснил, что великий труд принцепса, несущего бремя управления вселенной, нуждается в помощи и поддержке, чтобы, освободившись от домашних забот, он мог целиком посвятить себя счастью человечества. Итак, – добавил он, – что может быть более подходящим облегчением для нашего августейшего цензора, чем взять жену, которая разделяет его состояние, которой он доверяет свои самые сокровенные мысли и на которую он перекладывает бдительность, необходимую для семьи, находящейся еще в младенческом возрасте? У нас есть император, который не знает отвлечений роскоши и удовольствий: с ранней юности он всегда жил под властью закона».

Столь умозрительная речь была встречена всеобщими аплодисментами. Никогда еще лесть не была так хорошо принята. Вителлий заговорил снова: – Раз так, господа, и вы все согласны, что император должен жениться, то ясно, что честь его выбора может выпасть только тому, в ком сияют благородство, плодовитость и добродетель. Кто из нас не узнал бы Агриппину по этим чертам? И, конечно, по особому провидению богов она теперь вдова, а значит, в состоянии выйти замуж за принца, который не знает браков, основанных на похищении и несправедливости. Наши отцы видели, да и мы сами видели, как женщин отнимали у мужей по прихоти цезарей [4]. Подобные эксцессы далеки от скромности правительства, под которым мы живем. Клавдий достоин того, чтобы показать всем своим преемникам пример того, как подобает императорам жениться. Мне было бы бессмысленно говорить, что браки между дядей и дочерью его брата у нас в новинку. Согласен: но у других народов они в порядке вещей. Мы сами долгое время игнорировали союзы между двоюродными братьями и сестрами [5].

Обычаи должны соответствовать общественным интересам, и вскоре мы увидим все больше примеров того, что сегодня кажется необычным.

Некоторые сенаторы, более решительные льстецы, чем другие, добавили, что если императору будет трудно, то его следует принудить к этому; и они покинули сенат, как бы для того, чтобы осуществить это предполагаемое насилие. В то же время собравшаяся на площади толпа кричала, что народ чувствует то же самое. Клавдий не стал больше медлить. Он вышел из дворца, чтобы принять комплименты и поздравления, и, придя в сенат, попросил принять указ, разрешающий дядям жениться на дочерях своих братьев. Указ был принят, но Клавдий нашел только одного подражателя, или двух, как утверждает Суэтоний. Тем не менее, считалось, что эти браки, заключенные в соответствии с новой юриспруденцией, были результатом уговоров Агриппины.

С этого момента облик вещей изменился [6]. Все подчинялось женщине, которая, подобно Мессалине, не разыгрывала императора и империю в дураках с разнузданной глупостью. Власть была гордой и такой, какой мог бы обладать властный мужчина. Внешний облик Агриппины выдавал суровость и даже надменность: в доме не было беспорядка, если он не был полезен для удовлетворения ее честолюбия; она не стыдилась проституировать с Палласом [7], потому что ей нужны были заслуги этого вольноотпущенника для возвышения ее сына; добавьте к этому ненасытную жажду золота, плод ее страсти к царствованию.

В самый день свадьбы Силан покончил с собой – либо по необходимости, как говорит Суэтоний [8], либо от добровольного отчаяния, которое заставило его выбрать этот день, чтобы сделать несправедливость Клавдия по отношению к нему еще более одиозной. Его сестра Юния Кальвина была изгнана, и Клавдий приказал принести жертвы, чтобы искупить мнимый инцест брата с сестрой, в то время как он совершал настоящий инцест со своей племянницей.

Агриппина, стараясь не демонстрировать свою власть исключительно тираническими актами, вызвала Сенеку из ссылки и добилась для него преторства, думая, что общество отблагодарит ее за добро, которое она сделает человеку, завоевавшему блестящую репутацию благодаря своей учености и красноречию. Более того, она хотела дать такого прекрасного учителя своему сыну, образование которого началось весьма неудачно. Ведь в первые годы детства, которые он провел у Домиции, своей тетки, во время изгнания матери, с ним было всего два вольноотпущенника, один из которых был танцовщиком, а другой – купальщиком. Агриппина, обратившись к Сенеке по поводу своего сына, даже притворилась, что хочет воспользоваться советом этого искусного человека, чтобы посадить его на трон, не сомневаясь, что он все еще будет таить обиду на Клавдия, которым был изгнан, и что он не очень хорошо помнит, кому обязан своим отзывом.

Агриппина не теряла времени даром. Как только она вышла замуж, она убедила Меммия Поллиона, назначенного консулом, предложить сенату, чтобы Клавдий остановил брак Октавии с Домицием. Поллиону оставалось только следовать по пути, проложенному для него примером Вителлия. Он выступил в том же духе: и по его представлению Домиций, уже бывший зятем Клавдия, был избран его зятем. С тех пор он шел рука об руку с Британником и считался равным ему, движимый честолюбием матери и политикой тех, кто, обвинив Мессалину, опасался мести ее сына.

Лоллия Паулина недолго оставалась под гнетом Агриппины, которая не могла простить ей того, что она осмелилась соперничать с ней за брак Клавдия. Она прислала доносчика, который обвинил Лоллию в том, что она консультировалась с магами, астрологами и оракулом Аполлона Кларосского по поводу своего амбициозного проекта. Клавдий, не выслушав обвинителя, как это было в его обычае, представил сенату свое полностью сформированное мнение. Он начал с того, что изложил все, что могло послужить рекомендацией для столь прославленной дамы: ее рождение, имя, союзы ее семьи, опустив, однако, ее брак с Калигулой. Затем он добавил, что она замышляла интриги, пагубные для республики, и что ее следует

лишить возможности сделать себя еще более преступной. В итоге он решил, что ее следует изгнать, а ее имущество конфисковать. Лоллия была чрезвычайно богата. Плиний [9] утверждает, что видел, как она в дни, когда не было больших церемоний, носила на себе драгоценности на сумму в сорок миллионов сестерций [10]. Ей оставили пять миллионов сестерций [11] из ее огромного имущества. Но она не избежала наказания, которое не вполне удовлетворило ее врага. Агриппина отправила его на смерть в изгнание: это был результат насилий и одиозных сотрясений, которыми Лоллий, ее дед, стремился обогатить свой род [12] и возвысить его до величайшего великолепия. Дион свидетельствует, что Агриппине принесли голову Лоллия и, чтобы убедиться, что ее не обманывают, она открыла рот и посмотрела на зубы, в которых было что-то особенное.

Ненависть Агриппины была непримиримой, и горе тому, кто хоть в какой-то мере становился ее объектом. Она отправила в ссылку Кальпурнию, занимавшую в Риме видное положение, только за то, что Клавдий похвалил ее красоту, пусть и ненамеренно, в разговорной манере.

В этом году вифиняне добились осуждения Кадия Руфа, своего правителя, который обижал их своими сотрясениями. Но столь же безуспешно они добились осуждения управителя Юния Цило, которого защищал Нарцисс. Они обрушились на него с такой яростью и шумом, что Клавдий не смог их расслышать и спросил присутствующих, о чем они говорят. Нарцисс осмелился обмануть его дерзкой ложью и ответил, что вифиняне очень хвалят Кайло и благодарят императора за то, что он отдал его им в управляющие. Что ж, – сказал Клавдий, – пусть он остается на своем посту в течение двух лет.

До этого времени только Сицилия была освобождена от действия закона, запрещавшего сенаторам выезжать за пределы Италии без разрешения принца. Сенаторы из Нарбонской Галлии добились такой же привилегии для своей провинции, учитывая ее привязанность и уважение к римскому сенату: говорили, что они могут путешествовать там совершенно свободно для нужд своих внутренних дел.

Клавдий возобновил аугурию спасения – церемонию, о которой я подробно рассказывал при Августе.

Он расширил городские стены, получив на это право благодаря своим завоеваниям в Британии. Август, а до него Силла, ревностно относились к этой чести.

Агриппина позволяла Клавдию развлекать себя подобными мелочами и всегда шла напролом. Ей удалось добиться того, что в следующем году Клавдий усыновил ее ильи, что начали делать консулы Антистий и Суилий.

C. ANTISTIVS VETVS. – M. SVILIVS RVF. 801 ГОД. С 50 Г. Н.Э.

Когда-то она посчитала оскорблением, когда ее брат Калигула насмешливо предложил ей назвать ребенка, которого она только что родила, в честь их дяди Клавдия. Обстоятельства изменились. Клавдий, в то время игрушка двора, стал хозяином империи, и честь носить его имя была средством для достижения этой цели.

Агриппина, уже задолжавшая Палласу за свой брак, все еще нуждалась в нем для усыновления сына, и она была слишком предана ему, чтобы не найти его готовым помочь ей в таком важном деле. Поэтому этот вольноотпущенник уговаривал своего господина, делая вид, что действует исключительно из рвения к общественному благу и в интересах самого Британика, чье детство не могло обойтись без поддержки. Он привел ему в пример Августа, который, видя, что его семью поддерживают два внука, не преминул возвысить своих зятьев, Тиберия и Друза, в почете и достоинстве; в пример Тиберия, который, имея одного сына, подарил себе второго, усыновив Германика.

Слабый император был не в состоянии противостоять такой батарее. Потерпев поражение в борьбе с Палласом, он заявил в сенате, что намерен усыновить Домиция, даже приписать

ему, по выражению Тацита, право первородства над Британником, и по этому поводу произнес речь, в которой повторил все, что продиктовал ему его вольноотпущенник.

Опытные генеалоги заметили, что в доме Клодов никогда не было усыновления [13] и что со времен Атта Клауса он сохранялся по порядку рождения. Что весьма необычно, так это то, что сам Клавдий заметил это и говорил при каждом удобном случае, как будто боялся, что его не упрекнут за то, что он предпочел сына жены своему собственному.

Его упрекали, но негромким голосом. Прилюдно сенат отблагодарил его и осыпал лестью Домиция, который был торжественно усыновлен перед собравшимся народом с соблюдением всех формальностей, предписанных законами, и получил имя Нерон Клавдий Сезар. Ему шел тринадцатый год, он родился пятнадцатого декабря 788 года в Риме и был, таким образом, более чем на четыре года старше Британника [14], чье рождение мы отмечаем, согласно Суэтонию и Диону, во время второго консульства его отца, в 793 году в Риме. Агриппина, по случаю усыновления сына, также получила увеличение почестей и прозвище Августа.

После успеха этого маневра [15] не было ни одного сердца, которое бы не сокрушалось о судьбе Британника. Брошенный всеми, почти не имея рабов, которые могли бы ему прислуживать, этот молодой принц стал игрушкой мачехи, чьи притворные ласки и ложные знаки внимания ничего ему не навязывали. О нем говорят, что он обладал остроумием; либо, говорит Тацит, он приводил реальные доказательства этого, либо своей репутацией он был обязан своим несчастьям.

Самое немислимое во всем этом – то, что Клавдий любил своего сына. Когда он был совсем маленьким, он брал его на руки и представлял солдатам, томившим его, и народу на зрелищах, рекомендуя его с нежностью и присоединяя свой голос к восклицаниям, которыми толпа желала этому ребенку тысячи благополучий. Но Клавдий ничего не видел, ни о чем не думал: предметы действовали на его ум только в тот момент, когда они поражали его чувства, и мы можем рассматривать его только как чистого осеняющего.

Агриппина, желая иметь памятник своего могущества даже среди союзных народов империи, основала римскую колонию в городе убиев, германского народа, первоначально переселенного ниже Рейна Агриппой, ее дедом. Этот город был назван в честь своего основателя Colonia Agrippina или Agrippinensis: но в течение многих веков он был известен просто как Кельн, а имя Агриппины исчезло.

ТИ. КЛАВДИЙ ЦЕЗАРЬ АВГУСТ ГЕРМАНИК В. – СЕР. КОРНЕЛИЙ ОРФИН. ГОД Р. 802. Д. С. 51.

Когда Клавдий в пятый раз стал консулом вместе с Орфитом, Агриппина поспешила заставить Нерона принять мужское платье [16], чтобы его можно было считать способным к государственной службе. Ему еще не было четырнадцати лет, а для того, чтобы снять детское одеяние, требовалось не менее четырнадцати лет, о чем свидетельствовал пример внуков Августа, Кая и Луция Цезарей, которые не снимали мужское одеяние до пятнадцати лет. Лестью сената Клавдий добился от Нерона консульства, когда ему шел двадцатый год, и было сказано, что в это время он будет пользоваться званием назначенного консула, проконсульской властью за пределами города и носить титул принца юности. По этому поводу и от его имени солдатам было выдано большое количество денег, а народу роздано зерно и другие продукты; на играх в цирке Британник появлялся в одеждах детства, а Нерон – в одеждах триумфаторов. Уже одно это внешнее различие ясно указывало на разницу в судьбе этих двух юных принцев. В то же время трибуны и центурионы, сочувствовавшие несчастью Британника, под разными предложениями были удалены. Агриппина даже забрала у него, по случаю, о котором я сейчас расскажу, вольноотпущенников, которые были к нему привязаны.

Когда Нерон встретил своего брата, он просто поприветствовал его по имени Британник, а принц-ребенок в ответ назвал его Домицием. Не нужно было ничего больше, чтобы вызвать шум Агриппины. Она отправилась на шум к Клавдию и пожаловалась, что усыновление пре-

зирают, что акт, имеющий авторитет сената и постановление народа, отменяется и отменяется в домашнем суде тех, кто окружает Британника, и что если ему позволят преподавать такие плохие уроки, то результатом будет раздор между братьями, что станет катастрофой для республики. Клавдий принял за преступление то, что было представлено ему в рамках этой идеи, и наказал изгнанием или смертью самых верных слуг своего сына, личность и воспитание которого были отданы в руки тех, кого выбрала его мачеха. Сосибий, воспитатель Британика, был ввергнут в немилость всеми, кто приближался к этому юному принцу; преданный Агриппиной смерти, он понес справедливое наказание за свою преданность жестоким приказам Мессалины и за интригу, в которую он вступил, чтобы убить Валерия Азиатика.

Работа Агриппины шла полным ходом. Однако на ее пути все еще оставалось одно препятствие. Преторианскими когортами командовали два креатура Мессалины, Лусий Гета и Руфий Криспин, и Агриппина опасалась, что они останутся благодарны своей благодетельнице и привязаны к ее сыну. Она сказала императору, что два вождя – две партии, и что дисциплина среди стражников будет соблюдаться строже, если ими будет управлять один глава. В ответ на это наставление Гета и Криспин были уволены, а на их место поставлен Афраний Бурр, человек с большой репутацией в делах, касающихся ополчения, и даже за строгость нравов, но тем не менее способный помнить, кому он обязан своим состоянием.

Агриппина, работая на сына, работала и на себя, не забывая о том, что касалось лично ее. Ей была дарована привилегия въезжать в Капитолий на колеснице, подобной тем, что использовались жрецами и на которых помещались святыни, и это отличие усилило уважение к принцессе, которая в силу обстоятельств, уникальных в римской истории и редких в любой другой, оказалась дочерью принца, предназначенного для империи, сестрой, женой и матерью императора.

Вителлий нуждался в ее защите, чтобы спастись от большой опасности, настолько хрупкой и неопределенной бывает даже самая, казалось бы, прочно сложившаяся судьба. В то время он находился в самом блестящем фаворе и был уже в преклонном возрасте; и тут Юлий Лупус обвинил его, как претендента на империю, в преступлении *lèse-majesté*. Клавдий прислушался к этому обвинению: если бы Агриппина не взяла с ним не умоляющий тон, а угрозы, и тем самым заставила его изгнать Лупуса. Вителлий не просил о более сильной мести.

Надо полагать, что он умер вскоре после этого, поскольку в истории больше нет никаких упоминаний о нем. Мне нечего добавить к тому, что я сообщил согласно Тациту, кроме того, что, по словам Суетония, он был столь же неуправляем в своих нравах, сколь низок и лъстив, и что он любил вольноотпущенницу со всей безрассудностью, какую только можно себе представить. Сенат устроил ему публичные похороны и воздвиг на трибуне статую с надписью, восхваляющей его постоянное благочестие по отношению к императору: *PIETATIS IMMOBILIS ERGA PRINCIPEM*.

Почти все царствование Клавдия было отмечено бесплодием. В этом году случился сильный голод: запасы продовольствия стали очень скудными, и Риму грозила опасность погибнуть от голода, так как пшеницы хватило лишь на две недели. По воле провидения, которое Тацит приписывает своим богам, зима была мягкой и без штормов, что позволило кораблям с припасами добраться до Рима.

Агриппина привела все к тому, на что рассчитывала, и ей оставалось лишь наслаждаться плодами своих интриг. Я был счастлив сразу же представить их читателю. Теперь я прослежу за событиями, о которых я умолчал, и за перемещениями народов и королей, которые были союзниками или врагами Империи. Я начну с того, что касается парфян и Армении, чьи дела связаны между собой.

Примечания:

[1] Комментаторы мучаются над тем, кем был этот Лепида; и после их исследований этот вопрос остается неясным.

[2] Я читаю вместе с Рыкиусом: *quam super Pallantem et Callistum ageret*. В обычных изданиях, при ссылке на *super*, читается *secundum*, что имеет противоположное значение.

[3] Текст Тацита очень запутан. Я не пытался его переводить.

[4] Речь идет о браках Августа с Ливией, Калигулы с Ливией Оресиллас и с Лоллией Паулиной.

[5] Я не знаю, верно ли то, что говорит здесь Вителлий. По крайней мере, совершенно точно, что более чем за двести лет до рассматриваемого времени в Риме были разрешены браки между двоюродными братьями и сестрами. Подтверждение этому можно найти в речи Сп. Лигустий, том VIII «Истории Римской республики».

[6] Тацит, *Анналы*, XII, 7.

[7] Тацит, *Анналы*, XII, 25.

[8] Суетоний, *Клавдий*, 29.

[9] ПЛИНИЙ, IX, 35.

[10] Пять миллионов ливров = 7 903 424 ф. по М. Летронну.

[11] Шестьсот двадцать пять тысяч ливров = 974 178 фр. по М. Летронну.

[12] См. Август, книга II.

[13] SUTTONUS, *Claudius*, 39.

[14] Тацит дает Нерону только два года над Британиком. Это трудность, по которой можно проконсультироваться с М. де Тиллемоном, примечание I, о Клавдии.

[15] Тацит, *Анналы*, XII, 26.

[16] Тацит, *Анналы*, XII, 41.

§ II. Смуты и революции в Парфянском царстве

Артабан, последний из упомянутых нами царей Парфии, всегда занимал трон непрочно. Он был изгнан и восстановлен, как я уже рассказывал, следуя Тациту. По свидетельству Иосифа, он пережил новый переворот, вынудивший его искать убежища у Изата, царя Адиабены. Изат принял его и даже настолько удачно договорился с восставшими парфянами, что те согласились вернуть своего беглого царя. Тот вернулся, но недолго наслаждался удачей. Вскоре после восстановления на престоле он умер, оставив наследником своего сына Готарза.

Готарз, унаследовавший от отца не только трон, но и жестокость, умертвил Артабана [1], одного из своих братьев, вместе с женой и сыном этого несчастного царевича. Парфянские вельможи встревожились и, опасаясь подобной участи для себя, стали совещаться, замышляли мятеж и призвали Бардана [2], другого брата Готарза, деятельного и блистательно храброго царевича, который, возможно, в то время правил в Армении. Бардан стремительно выступил и, преодолев за два дня сто двадцать лье, застал Готарза врасплох, так что тому оставалось только бежать. Победитель утвердил свою власть в ближайших сатрапиях. Однако он неосмотрительно задержался под стенами Селевкии на Тигре, отказавшей ему в повиновении. Это был укрепленный, могущественный город, хорошо обеспеченный всеми видами военных и продовольственных припасов. Благодаря длительному сопротивлению он дал Готарзу время собрать значительные силы среди гирканцев и других народов этого края, и Бардан был вынужден снять осаду, чтобы выступить навстречу брату.

Казалось, эта распря должна была обернуться большим кровопролитием, но, вопреки ожиданиям, она разрешилась мирным путём. Готарз, узнав о заговорах в собственном лагере и среди врагов, предупредил Бардана. Несмотря на взаимное недоверие, братья встретились и у алтарей поклялись отомстить своим врагам, а свои притязания на трон передать на суд третьей стороны. Бардан был признан более достойным, и Готарз, чтобы избежать подозрений в соперничестве, удалился в гирканские леса. Так Бардан мирно овладел короной Арсакидов, и по его возвращении Селевкия открыла ему ворота.

Будучи храбрым и честолюбивым, он сразу задумал вернуть Армению, где Митридат вновь утвердился, воспользовавшись междоусобицами парфян.

Митридат, брат Фарасмана, царя Иберии, ставший царём Армении при Тиберии под покровительством римлян, пленённый при Калигуле и отправленный Клавдием на Восток в первый год своего правления (792 г. от основания Рима), по-видимому, по прибытии обнаружил свои владения захваченными парфянами. Ему пришлось ждать удобного случая для возвращения, который представился лишь семь лет спустя, в 798 г. от основания Рима, в четвёртое консульство Клавдия. Этим случаем, как я уже сказал, стала гражданская война между братьями Готарзом и Барданом. Пока парфянские силы были обращены друг против друга, Митридат, поддержанный римлянами и иберами, вступил в Армению. Он изгнал Демонакса, правившего там от имени парфян, и вскоре вернул всю страну, используя римлян для осады крепостей, а иберийскую конницу – для действий в поле. Котис, назначенный Калигулой царём Малой Армении, выступил соперником Митридата и имел свою партию. Но запрет из Рима остановил его, и Митридат был повсеместно признан.

Римляне также защитили его от нападений Бардана – не просто приказами, которым парфянский царь не подчинился бы, а угрозами. Вибий Марс, наместник Сирии, уведомил его, что если он потревожит Митридата, то будет иметь дело с войной против Рима. Бардан вынужден был уступить, тем более что другая, более непосредственная опасность в тот же момент вызвала у него серьёзные опасения. Готарз вскоре пожалел о слишком лёгкой уступке короны и, призванный знатью, для которой рабство становится тяжелее в мирное время, возобновил войну. Бардану пришлось заняться самым неотложным – укрепить свою власть, прежде чем расширять её.

На этот раз спор решило оружие. Жаркая битва произошла у переправы через реку, которую Тацит называет Эриндес. Бардан-победитель не ограничился разгромом армии брата, но воспользовался случаем для завоеваний в сторону Гиркании, подчинив народы, никогда не признававшие власти парфян. Его пыл остановили лишь препятствия со стороны собственных подданных, утомлённых далёкой войной. Он воздвиг памятники своим победам на берегах реки Гиндес, разделяющей дахов и ариев, и вернулся более могущественным, чем когда-либо, но также более надменным и высокомерным, а следовательно – более ненавистным.

Парфяне не вынесли его гордыни. Против него составил заговор, и он был убит на охоте, ещё в юности, но уже стяжав славу, которая позволила бы ему сравняться с царями, дольше всех державшими скипетр, если бы он умел так же снискать любовь своего народа, как внушать страх врагам.

Смерть Бардана вновь открыла двери надеждам Готаза. Многие склонялись в его пользу; другие, не забывшие его прежних жестокостей, поддерживали Мехердата, сына Вонона, внука Фраата, находившегося в то время в заложниках у римлян. Готарз, находившийся на месте, одержал верх. Но вместо того, чтобы смягчить прежние мрачные впечатления о себе кротостью и добротой, он, казалось, стремился их укрепить и усилить. В результате партия, поддерживавшая Мехердата, нашла способ отправить в Рим просьбу о провозглашении его царем.

Тацит [3] относит к 800 году аудиенцию, которую получили у сената послы недовольных парфян. Они оправдывали свой шаг, заявляя, что не забыли договоров между Римской империей и парфянскими царями и не намереваются восставать против дома Аршакидов, но пришли просить князя их царской крови, чтобы противопоставить его тирании Готаза, ставшего невыносимым как для знати, так и для народа. Они описывали его жестокость в самых мрачных красках: он не щадил ни братьев, ни родственников, ни чужеземцев; губил беременных жен вместе с мужьями, нежных детей – вместе с отцами, тогда как сам, предаваясь изнеженной праздности и терпя неудачи во внешних войнах, пытался варварством прикрыть позор своей трусости.

«Наш народ, – добавили они, – связан с вашей империей древней дружбой, и вам подобает помогать союзникам, чьи силы могли бы соперничать с вашими, но которые из уважения уступают вам первенство. Мы отдаем вам сыновей наших царей в заложники, чтобы, если нам доведется страдать от дурного правления, мы могли обратиться к императору и римскому сенату, от которых получали царей, возвращенных их руками, привыкших к их нравам и потому более достойных царствовать».

Клавдий ответил, превознося римское величие и с гордостью принимая почести от парфян. Он сравнивал себя с Августом, который дал им царя, но не упомянул Тиберия, чье ненавистное имя омрачало славу, которой они оба обладали. Поскольку Мехердат присутствовал, Клавдий обратился к нему с наставлениями о том, как ему следует править:

«Не думай, что ты будешь властвовать над рабами. Пусть парфяне найдут в тебе защитника, а сам смотри на них как на граждан. Кротость и справедливость принесут тебе тем большую честь, что эти добродетели неведомы варварам».

Затем он повернулся к послам, восхваляя царевича, его воспитание в Риме и его кроткий и мудрый нрав. Однако добавил, что им следует терпеть своих царей, даже если они не вполне довольны, ибо частые перемены вредны государствам.

«Не удивляйтесь, – сказал он, – что даю вам столь бескорыстный совет. Рим, пресыщенный славой и завоеваниями, достиг того, что радуется миру даже среди чужих народов».

Г. Кассию, наместнику Сирии, было приказано сопроводить нового царя к берегам Евфрата.

Кассия (которого не следует путать с тем, кто при Тиберии женился на Друзилле, дочери Германика [4]) отличали заслуги. Поскольку мир, царивший в империи, не давал ему возможности проявить себя в военном деле, он посвятил себя юриспруденции, в которой преуспел. Когда же, как наместник Сирии, он получил командование армией, то приложил все усилия, чтобы достойно исполнить свой долг. Он упражнял легионы, насколько это было возможно в мирное время, восстановил прежнюю дисциплину, держал войска в готовности, будто враг был уже близко, – словом, делал все, чтобы поддержать славу своего имени, еще памятного в тех краях со времен знаменитого Кассия, прославившегося убийством Цезаря, а затем и своей доблестью в этих землях.

Поручение, которое он [наместник Сирии Умидий Квадрат] должен был выполнить относительно Мехердата, не представляло трудностей; но в конце концов он исполнил его как человек умный. Он вызвал парфянских вельмож, участвовавших в заговоре, и, прибыв в Зевгму на Евфрате, передал им их царя, при расставании дав ему очень мудрый совет. Он сказал ему, что варвары в начале предприятия полны огня, но если не поспешить с действиями, их рвение быстро ослабевает и может даже превратиться в предательство: поэтому Мехердат не должен терять ни мгновения и как можно скорее двинуться на врага.

Мехердат был молод, неопытен и воображал, что привилегия царской власти – предаваться роскоши и удовольствиям. Предатель, видя его в таком настроении, убедил его пренебречь советами римского наместника. Абгар, царь арабов Эдессы, задержал его на несколько дней в своем городе, устраивая пиры и развлечения.

Между тем Каррен, предводитель недовольных, собрав войско, известил Мехердата, что всё готово и что, если он поспешит к нему присоединиться, можно надеяться на самый счастливый успех. Молодой князь совершил здесь вторую ошибку: вместо того чтобы пересечь равнины Месопотамии, он углубился в горы Армении, где уже начинались зимние холода. Ему пришлось бороться с трудностями пути и снегами, но в конце концов он соединился с Карреном на равнине.

Вместе они переправились через Тигр, взяли Ниневию [5], древнюю столицу ассирийцев, и Арбелу, место, знаменитое победой Александра над Дарием, завершившей падение Персидской империи. Изат Адиабенский [6], через чьи земли они проходили, присоединил свои силы

к их войску – но это был ненадежный союзник: внешне выказывая дружбу Мехердату, в сердце он склонялся к Готарзу.

Готарз, прежде чем выступить против врага, пожелал снискать благосклонность богов. Он отправился на гору Самбулос, чтобы вознести молитвы местным божествам, и особенно Гераклу, которого там особо почитали. Жрецы поддерживали суеверия народа мнимой дикоиной, которую Тацит передает вполне серьезно, нимало не сомневаясь в ее правдивости.

Бог, говорит он, в определенные сроки во сне извещает своих жрецов, чтобы они приготовили ему коней для охоты в окрестностях храма. Кони, навьюченные колчанами, наполненными стрелами, скачут по лесам и возвращаются лишь к ночи, усталые и с пустыми колчанами. Затем бог в новом сновидении указывает жрецам, где он охотился, и там находят тела убитых зверей. Таково повествование Тацита, в котором легко распознать уловку и обман жрецов, охотящихся под именем Геракла.

Готарз, будучи слабее, держался за рекой, которую Тацит называет Корма, уклоняясь от боя, который Мехердат постоянно ему предлагал, затягивал время и тем временем старался переманить союзников своего соперника. Он преуспел с Изатом и Абгаром, которые тогда открыто проявили свое предательство и ушли со своими войсками – обычное следствие легкомыслия этих варваров, которые, как показал не один пример, охотнее просили у Рима царей, чем сохраняли их, получив.

После измены этих двух князей Мехердат, опасаясь, что их примеру последуют другие, стал настаивать на сражении с еще большей настойчивостью. А Готарз, ободренный ослаблением сил противника, не отступил. Завязалась битва, и победа долго оставалась нерешенной. Храбрый Каррен творил чудеса и рассеивал всех врагов перед собой. Но, увлекшись своей отвагой, он зашел слишком далеко и, преследуя бегущих, не подумал об обеспечении отступления, был отрезан и окружен. С его гибелью погибла и вся надежда Мехердата, который, как будто мало было несчастий, доверился предателю, был закован в цепи и выдан Готарзу. Победитель оставил его в живых, но приказал отрезать ему уши, желая, чтобы в таком виде он служил доказательством его милосердия и позором римлян.

Готарз вскоре умер от болезни, согласно Тациту, или же был убит в результате заговора поданных, согласно Иосифу Флавия. Его преемником стал Вонон, который ранее правил в Мидии и, возможно, был его братом. Правление Вонона было недолгим и не ознаменовалось какими-либо значительными событиями. Ему наследовал его сын Вологез.

В начале правления Вологеза, то есть в 802 году от основания Рима, в Армении произошёл новый переворот, который позволил парфянам вновь заявить свои претензии на эту корону. Митридат, как я уже говорил, владел ею и мог бы спокойно наслаждаться своим положением, если бы из среды его собственной семьи не поднялся против него опасный враг. Он всегда жил в согласии со своим братом Фарасманом, царём Иберии. Но у Фарасмана был сын, снедаемый честолюбием, который не мог смириться с частным положением, в котором был вынужден оставаться.

Радамист – так звали этого молодого царевича – обладал телесной силой, статным ростом, искусством во всех упражнениях, принятых у его народа, и уже стяжал себе блестящую славу, распространившуюся далеко. Он с нетерпением переносил то, что его престарелый отец слишком долго удерживал в своих руках Иберийское царство, которое, к тому же, казалось ему слишком малым для исполнения его желаний. Так как он этого и не скрывал и открыто высказывал такие дерзкие речи, Фарасман, опасаясь найти в сыне соперника, которому благоприятствовали бы и молодость, и любовь народа, решил направить честолюбивые замыслы Радамиста в сторону Армении, представив её ему как достойную добычу.

– Это я, – сказал он ему, – изгнал парфян из Армении и передал её Митридату. Возьми власть, завоёванную оружием твоего отца. Но начни с хитрости: время силы ещё не пришло.

Митридат был братом и зятем Фарасмана. Таким образом, замысел лишить его трона заключал в себе сразу несколько преступлений. Но честолюбие не признаёт преград, когда они необходимы для его удовлетворения. Радамист, притворившись, что поссорился с отцом и не может терпеть мачеху, которая смертельно его ненавидела, удалился к своему дяде. Тот принял его с распростёртыми объятиями и обращался с ним, как с родным сыном. Коварный племянник продолжал свой план и тайно склонял знатнейших армян к мятежу, в то время как Митридат, ни о чём не подозревая, старался осыпать его почестями. Вероятно, именно тогда он выдал за него замуж свою дочь Зенобию [7], сделав его своим зятем.

Спустя некоторое время Радамист, притворившись, что помирился с отцом, вернулся в Иберию и объявил Фарасману, что всё, что можно было сделать тайными происками, уже сделано, и теперь остаётся только применить силу, чтобы завершить замысел. Фарасман придумал ничтожный предлог, чтобы объявить войну своему брату, и отправил сына в Армению во главе войска. Митридат, застигнутый врасплох и атакованный одновременно изменой и силой, не смог сопротивляться и был вынужден укрыться в крепости Горнеа, где стоял римский гарнизон.

Такие варвары, как иберы, совершенно не знали военного искусства, касающегося осад, тогда как римляне были в этом весьма искусны. Поэтому Радамист никогда не смог бы взять крепость и овладеть самим Митридатом, если бы римский наместник Целий Полион не оказался подлой душонкой, поддающейся подкупу. Центурион по имени Касперий всеми силами противился этому грязному делу. Но он счёл за лучшее заключить перемирие, которое позволило бы ему потребовать от Фарасмана отвода войск или, в случае отказа, запросить подкрепления у наместника Сирии Нумидия Квадрата.

Отъезд Касперия дал Полиону свободу продолжать свои интриги. Он стал настойчиво уговаривать Митридата согласиться на переговоры, а когда не смог преодолеть его обоснованные подозрения, поднял солдат гарнизона, убедив их требовать капитуляции и заявить, что в противном случае они оставят пост, который больше не в силах удерживать. Митридату пришлось подчиниться этой угрозе: был назначен день и место для встречи, и он вышел из крепости.

Как только Радамист увидел его, он бросился к нему, обнял с напускной нежностью и осыпал тысячами уверений в почтении и покорности, как перед вторым отцом. Он даже поклялся, что не поднимет против него ни меча, ни яда, и тут же увлёк его в соседнюю рощу, где, как он сказал, всё было приготовлено для жертвоприношения, чтобы боги стали свидетелями и поручителями мира, который они собирались заключить.

Цари этих земель соблюдали весьма своеобразный обряд при заключении договоров между собой. Они брали друг друга за правую руку и связывали себе большие пальцы. Узел прерывал кровообращение, после чего они слегка прокалывали кончики пальцев и взаимно высасывали выступившую кровь. Ничто не было для них священнее подобных договоров, скреплённых кровью договаривающихся сторон.

В данном случае человек, которому было поручено связать пальцы двух царей, притворился, что споткнулся, и, ухватившись за колени Митридата, повалил его на землю. Другие бросились к нему и заковали его в цепи. Его поволокли, как преступника, на глазах у бесчисленной толпы, которая, мстя за суровость его правления, осыпала его оскорблениями и упрёками. Впрочем, некоторые были тронуты столь плачевной переменой в его судьбе. Его жена и дети следовали за ним, наполняя воздух своими жалобами и криками.

Радамист держал своих пленников, пока не получил приказа от отца. Фарасман не дорожил преступлениями. Он без труда предпочел корону жизни брата и дочери. Только он избавил себя от зрелища их смерти и приказал сыну покончить с ними на месте. Радамист, как будто бы уважая свою клятву, не захотел пользоваться ни мечом, ни ядом. Он приказал задушить дядю

и сестру между двумя матрасами. Сыновья Митридата также были преданы смерти за то, что оплакивали гибель тех, кому были обязаны жизнью.

Римляне не могли равнодушно смотреть на это событие, ибо Митридат получил от них армянскую корону. Поэтому Квадрат собрал на совет главных офицеров своей армии, чтобы решить, как поступить в подобном случае. Немногие заботились о славе империи. Большинство, руководимое робкой политикой, высказалось за то, чтобы спокойно дать событиям идти своим чередом. Они утверждали, что всякое преступление среди чужеземцев – повод для радости римлян; что даже следует сеять семена ненависти среди варварских народов, как это часто делали римские императоры, особенно в отношении Армении; что пусть Радамист наслаждается тем, что добыл преступным путем; что для римлян выгоднее видеть его царем Армении, получившим власть через злодеяние, которое делает его ненавистным и презренным, чем если бы он достиг трона честным путем. Это мнение возобладало. Однако, поскольку даже те, кто его поддерживал, чувствовали, насколько оно постыдно, было решено соблюсти приличия и послать приказ Фарасману очистить Армению и отозвать оттуда своего сына.

Прокуратор Каппадокии Юлий Пелигн поступил еще хуже, чем наместник Сирии. Это был человек без сердца, и его внешность, вполне способная вызвать насмешки, вполне соответствовала низкой душе. Этими качествами он заслужил дружбу Клавдия, который, не зная долгое время, куда девать свой досуг, предавался шутам, забавлявшим его. Однако по случаю волнений в Армении Пелигн вознамерился показать себя храбрецом и важной персоной. Он набрал ополчение в своей провинции и двинулся в поход, чтобы свергнуть Радамиста. Но эти плохо обученные войска, более обременительные для союзников, чем страшные для врага, рассеялись по дороге, и Пелигн прибыл к Радамисту с весьма малым сопровождением. Ловкий и хитрый варвар сразу разгадал слабость римского прокуратора, который, подкупленный его дарами, настолько забыл о намерении изгнать его с престола, захваченного преступлением, что, напротив, стал уговаривать его принять диадему и освятил церемонию своим присутствием.

Нет нужды говорить, что такое поведение бесчестило римлян. Квадрат, чтобы смыть этот позор, отправил Гельвидия Приска, одного из своих легатов, во главе легиона с приказом успокоить волнения надлежащими мерами. Этот офицер, перейдя гору Тавр, начал весьма успешно выполнять свою миссию, сочетая мягкость и умеренность с твердостью. Но его поспешно отозвали, опасаясь дать повод к войне с парфянами.

Ибо Вологезу, помнившему, что его предшественники владели Арменией, показалось, что настал удобный случай отвоевать ее у князя, захватившего ее, поправ самые священные права. Он предпринял изгнать Радамиста и посадить там одного из своих братьев, Тиридата, чтобы дать ему владение, равное владению другого брата, Пакора, царствовавшего в Мидии. Ему казалось прекрасным, чтобы его дом имел столько скипетров, сколько голов.

Одно приближение парфянской армии обратило иберов в бегство без единого удара мечом. Города Арташат и Тигранакерт подчинились игу. Но необычайно суровая зима, недостаток провизии и болезни, вызванные голодом, заставили Вологеза отступить. Радамист вернулся к своей добыче и обращался с армянами с крайней жестокостью, считая их мятежниками, готовыми в любой момент его покинуть.

Как бы ни привыкли армяне к рабству, тирания Радамиста истощила их терпение. Они восстали и с оружием в руках осадили дворец. Движение было столь внезапным, что Радамист успел лишь бежать. Выбрав двух лучших коней из своей конюшни, он садится на одного, отдает другого своей жене Зенобии и уезжает один с ней, скача во весь опор. Но Зенобия была беременна: и хотя сначала ее поддерживали мужество и любовь к мужу, ее состояние не позволяло ей вынести долгую скачку. Оказавшись в отчаянном положении, она умоляет его избавить ее почетной смертью от оскорблений и унижений плена. Радамист обнимает ее, утешает, ободряет, то восхищаясь ее добродетелью, то терзаясь ревностью и страхом, что, если он оставит ее одну, она попадет в руки какого-нибудь насильника. Наконец, ослепленный страстью

и привычный к преступлениям, он выхватывает кинжал, ранит ее, затем тащит к берегу Аракса и бросает на произвол волн, чтобы даже ее тело не могло быть никем похищено. После этого он продолжает путь и прибывает в Иберию.

Зенобия была еще жива; течение вынесло ее к месту, где вода была мелкой и спокойной, и там ее заметили пастухи. По ее красоте и великолепию одежд они поняли, что перед ними знатная особа. Они вытащили ее из воды, перевязали рану и оказали всю помощь, какую только могли знать деревенские жители. Так они привели ее в чувство, и, узнав ее имя и печальную историю, отвезли в Арташат, откуда Тиридат приказал доставить ее к себе и оказал ей всевозможные почести.

Радамист не смирился с окончательной потерей Армении [8]. Эта корона стала причиной непрерывных войн между ним и Тиридатом, с переменным успехом, пока наконец, уже во времена правления Нерона в Риме, он не понес наказания за все свои преступления и не был казнен по приказу своего отца Фарасмана как виновный в измене.

Смерть Радамиста не положила конец смутам в Армении. Римляне при Нероне проявили больше решимости, чем при Клавдии, и не желали оставаться простыми зрителями событий, происходивших в этой стране. Отсюда возникли серьезные столкновения между ними и парфянами, о которых мы расскажем в свое время.

Боспор также доставил Клавдию некоторые беспокойства, которые в итоге разрешились к его полному удовлетворению. Как я уже говорил, он поставил царем этой области Митридата, потомка знаменитого царя того же имени, так долго воевавшего с римлянами. Однако буйный и честолюбивый нрав этого боспорского царя привел к тому, что римляне изгнали его из владений, а на его место поставили его брата Котиса. Бегство и крушение судьбы не сломили дух Митридата. Он обошел все варварские племена тех краев, сначала ища у них убежища, а затем пытаясь склонить их поддержать его дело и помочь вернуть царство. Таким образом ему удалось собрать войско. Но все его усилия оказались тщетны. Разбитый и лишенный всех средств, он решил броситься в объятия Эвнона, царя аорсов, который ранее заключил союз с римлянами против него, и попытался сделать этого правителя своим заступником перед Клавдием.

Он внезапно явился перед Эвноном в одеянии, подобающем его несчастной участи, и, пав на колени, сказал: «Перед тобой [9] – Митридат, которого римляне так долго ищут напрасно. Поступай с наследником Ахеменидов, как тебе угодно. Это звание – единственное преимущество, которого не смогли лишить меня враги». Эвон, тронутый участием столь знатного просителя и восхищенный гордостью, которую тот сохранял в несчастье, с участием поднял его, похвалил за доверие к его великодушию и пообещал заступиться за него перед римским императором. Он действительно написал Клавдию, умоляя его о милосердии к Митридату, который соглашался на любые условия, прося лишь избавить его от позора триумфа и смерти.

Клавдий вообще был склонен проявлять милосердие к иностранным правителям. Но он был раздражен против Митридата и колебался: принять ли его предложение, пообещав ему жизнь, или продолжать преследование, пока не захватит его силой оружия, чтобы учинить над ним показательную расправу. Его советники указали ему на трудности и малую пользу от войны в таких диких землях, как окрестности Меотиды. Поэтому он последовал их совету и ответил Эвнону, что Митридат заслуживает величайших кар, и что у римлян достаточно сил, чтобы наказать мятежника, но что правило Рима всегда заключалось в том, чтобы проявлять столько же снисхождения к молящим о пощаде, сколько твердости и суровости к вооруженным врагам; что же касается триумфа, то он предполагает победу над царями и народами, оказавшими сопротивление, а беглец без убежища и средств не достоин такой чести.

Митридат был доставлен в Рим, и, представ перед императором, сохранил свою гордость. Когда Клавдий заговорил с ним угрожающе, он ответил: «Меня к вам не отправляли – я вернулся сам. Если сомневаетесь, верните мне свободу и попробуйте снова поймать». Он переносил унижения своего положения с бесстрашным видом и ничуть не смутился, когда его

поставили у ораторской трибуны, выставив на потеху толпе. Это событие относится к 800 году от основания Рима.

Смерть Агриппы, царя Иудейского, случившаяся в 795 году от основания Рима, внесла перемену в положение Иудеи [10]. Но прежде чем говорить об этой перемене, необходимо завершить здесь то, что мне осталось сказать об Агриппе, о котором мне уже не раз приходилось упоминать. Я отмечал его приверженность религии отцов, его склонность к роскоши, доходившую до излишеств. Вот пример его мягкости.

Хотя его верность иудейским обрядам не мешала ему смешивать с ними обычаи, заимствованные из языческих суеверий, – устраивать пиршества и зрелища в римском вкусе и даже бои гладиаторов, – ревностные иудеи были недовольны его благочестием, и нашелся среди них некий Симон, который собрал народ в Иерусалиме, пока Агриппа находился в Кесарии, и выступил с обличениями против этого князя, утверждая, что вход в храм должен быть для него запрещен. Агриппа, узнав о такой дерзости, вызвал Симона и принял его в театре, посадив рядом с собой. Там, мягким и дружелюбным тоном, он спросил его, есть ли в том, что происходит перед его глазами, что-либо противное закону. Симон, опасаясь последствий своей твердости или, быть может, польщенный вниманием, которое оказал ему князь, ответил лишь просьбой о прощении. Агриппа не только простил его, но и одарил подарками.

Агриппа был тем, что мы назвали бы светским человеком, веровавшим в закон Моисея, но стремившимся примирить его со своими страстями. Свет Евангелия, уже начинавший ярко сиять в его царстве, не озарил его больных очей и не произвел иного действия, кроме как ослепил его. Он был первым князем, который начал гнать Церковь. Это он предал смерти святого Иакова [11], брата святого Иоанна, и, видя, что эта жестокость угодна иудеям, заключил в темницу святого Петра, намереваясь предать его такой же казни, если бы Бог чудесным образом не избавил его из его рук.

Агриппа вскоре испытал на себе Божественное возмездие. Во время игр, которые он устроил в Кесарии в честь Клавдия, он появился в одежде, сплошь вытканной серебром, и, когда солнечные лучи ослепительно отражались от нее, поражая взоры всех присутствующих, он обратился к жителям Тира и Сидона, против которых был разгневан и которые прислали к нему посольство, чтобы смягчить его гнев. Тогда льстецы, окружавшие его, воскликнули, что его голос – голос бога, а не человека. В тот же миг ангел поразил его, и сильная боль в животе возвестила ему о его состоянии. Он сразу почувствовал, что болезнь смертельна, и отрекся от нечестивых речей своих льстецов; но, все еще пребывая в ложных представлениях о человеческом величии, он утешал себя перед неминуемой смертью воспоминаниями о роскоши, в которой жил. После пяти дней жестоких страданий, которые не смягчало никакое лекарство, он умер, изъеденный червями.

Он оставил сына, носившего то же имя, который в то время находился в Риме при Клавдии, семнадцати лет от роду, и трех дочерей, старшая из которых – Вереника, ставшая столь знаменитой благодаря своей связи с Титом; двух других звали Мариамна и Друзилла. Клавдий охотно отдал бы молодому Агриппе царство его отца, но его вольноотпущенники и советники представили ему, что большое царство – тяжкое бремя для столь юного князя, и он решил присоединить Иудею к империи и управлять ею через прокуратора, как это было в конце правления Августа и при Тиберии. Куспий Фад был первым прокуратором Иудеи после смерти Агриппы.

Его правление было спокойным [12], происходили лишь незначительные волнения. Он покарал обманщика по имени Февда, который собрал вокруг себя множество простого народа, обещая перевести их через Иордан посуху. Эта толпа была рассеяна отрядом, посланным Фадом, а предводитель, будучи схвачен, был обезглавлен. Лжепророки начали появляться в Иудее, согласно предсказанию Иисуса Христа, и готовить бедствие для своего народа.

Тиберий Александр, иудей-отступник, племянник Филона, сменил Фада [13]. Он также поддерживал спокойствие в вверенной ему стране и старался предотвращать все, что могло нарушить общественный порядок. Поскольку сыновья Иуды Галилеянина, который сорок лет назад [14] пытался поднять народ против римлян, шли по стопам своего отца, Тиберий Александр велел схватить их и распять.

Его преемником в 799 году от основания Рима стал Вентидий Куман, при котором начались волнения; и с этого времени Иудея почти не знала мира вплоть до своего полного опустошения.

Во время праздника Пасхи произошел первый бунт, вызванный наглостью одного римского солдата. Прокуратор, вызвав все находившиеся в его распоряжении войска, чтобы подавить мятеж, который из-за бесчисленного множества иудеев, собравшихся в Иерусалиме на праздник, казался опасным, навел на мятежников такой ужас, что каждый думал только о бегстве; а поскольку проходы были узки, а толпа – огромна, двадцать тысяч иудеев погибли, раздавленные в давке.

Среди евреев всегда была закваска мятежного духа. Некоторые из самых ярых убили на дороге одного из рабов императора и украли его. Куман наказал это убийство военной казнью и отправил войска разорять страну, где оно было совершено. Во время грабежа один из солдат нашел книги Моисея и публично разорвал их. При виде этого нечестия иудеи оживились и в большом количестве отправились просить правосудия у интенданта, который в то время находился в Кесарии. Ему посоветовали погасить огонь зарождающейся смуты казнью виновного солдата, и движение было утихомирено.

Старая вражда между самаритянами и иудеями стала причиной третьих беспорядков [15], которые едва не привели к войне. Галилеяне обычно проходили через Самарию, направляясь на праздники в Иерусалим.

Когда они шли группой, самаритяне устроили засаду и вступили в бой, в котором несколько галилеян были убиты. Галилейские вожди обратились с жалобами к Куману, который, будучи привлечен деньгами самаритян, не обратил на них внимания. Этот отказ в справедливости озлобил дух обиженных. Множество иудеев встало на их сторону в споре, который касался свободы священного поклонения. Они бросились к оружию, несмотря на уговоры старейшин и судей народа, и, призвав на помощь Елеазара, предводителя шайки разбойников, разорили несколько селений в Самарии и все подожгли. Куман собрал войска и провел сражение, в котором несколько иудеев были убиты, а многие взяты в плен. Тревога охватила весь Иерусалим. Когда руководители города увидели, насколько велика опасность, они покрылись мешковиной и пеплом и так много сделали своими молитвами и мольбами, что в конце концов убедили мятежников сложить оружие. Елеазар удалился в крепости, которые служили ему обычным убежищем, и с этого времени, как отмечает Иосиф, Иудея наполнилась бандами разбойников.

Война была таким образом утихомирена, но ссора не закончилась. Самаритяне, вероятно, в сотрудничестве с Куманом, передали дело в суд Нумидия Квадрата, правителя Сирии, который отправился на место происшествия, чтобы лично разобраться в ситуации и выяснить ее суть. Он признал виновными все стороны, но, тем не менее, поступил с ними по-разному. Иудеев, пойманных с оружием, он велел повесить на кресты, а великого понтифика Анания, обвешанного цепями, и Анана, его сына, занимавшего высокий пост, отправил в Рим. Что касается Кумана и самаритян, то он не взял на себя ответственность осудить или оправдать их, а приказал им самим отправиться в Рим, чтобы выступить перед императором. Вскоре они одержали победу благодаря заслугам вольноотпущенников, которых они поставили на службу своим интересам. Но иудеи нашли ревностного защитника в лице молодого Агриппы, который действовал в их пользу с Агриппиной. Иметь на своей стороне Агриппину означало быть

уверенным в Клавдии. В результате суда трое главных лидеров самаритян были приговорены к смерти, а Куман – к изгнанию.

Решение, о котором я говорю, не могло быть вынесено до аврала в Риме 803 года, и М. де Тиллемон склонен относить к этому же году изгнание иудеев из Рима по приказу Клавдия, которое, похоже, было естественным следствием бедствий в Иудее.

Следует полагать, что христиане, которых тогда путали с иудеями, были охвачены их позором, и именно это имел в виду Суетоний под этими неясными и неточными словами: «Клавдий изгнал из Рима иудеев, которые поднимали беспорядки по наущению Христа [16]. Самые ученые язычники слишком презирали христиан в то время и еще долгое время после этого, чтобы трудиться над изучением того, что их касалось, и быть в состоянии говорить об этом правильно. Однако христиане уже начали умножаться в Риме, поскольку святой Петр впервые пришел туда десятью годами ранее, в 42 году нашей эры, в 793 году от Р.Х.

В вопросе о Кумане я следовал за Иосифом, который, надо полагать, был прекрасно осведомлен о том, что касалось его народа. Тацит, рассказывая о тех же событиях, примешивает обстоятельства, которые невозможно согласовать с рассказом еврейского историка. Он говорит, что Феликс, брат Палласа и, как и он, вольноотпущенник Клавдия, управлял Самарией в то же время, когда Куман управлял Иудеей; что во время раздоров между самаритянами и иудеями оба управляющих были одинаково виновны в хищениях и грабежах: что Квадрат, приехавший восстановить спокойствие в стране и поручивший Клавдию суд над двумя интендантами, не осмелился выступить судьей брата Палласа и даже посадил Феликса в число судей Кумана, в обмен на что один только Куман понес наказание за преступления, совершенные ими обоими.

Очевидно, что примирить Тацита с Иосифом здесь невозможно. Мы также не можем быть убеждены, что такой рассудительный писатель, как Тацит, стал бы делать столь подробные заявления в воздух. Несомненно, в его рассказе есть доля правды. Но чтобы разгадать его, нам нужно больше света, чем мы имеем. Несомненно лишь то, что Феликс был не менее злым, чем Куман, и что, сменив его на посту управляющего Иудеей, он пользовался властью царя с гением раба [17] и так тиранил этот несчастный регион, что мы должны в значительной степени приписать ему восстание иудеев и все несчастья, постигшие их в результате. Об этом мы расскажем позже. А сейчас мы должны вернуться на Запад и представить читателю самое интересное, что Тацит рассказывает о войнах на Рейне, Дунае и в Британии.

На Рейне Л. Помпоний Секунд, командовавший легионами Верхней Германии в 801 году, разбил каттов, подавил их движение и заставил их просить мира и дать ему заложников. Блеск этой победы Помпония усиливался тем, что спустя сорок лет он освободил из рабства некоторых из тех, кто был взят в плен германцами при разгроме Вара. По словам Тацита [18], он был награжден триумфальными украшениями, в которых его слава не нуждалась в глазах потомков, для которых заслуги его трагедий делают его еще более достойным похвалы. У нас больше нет этих трагедий, о которых Квинтилиан, похоже, думал не так высоко, как Тацит, поскольку он хвалит их автора только за знания и изящество [19], замечая, что его не считали достаточно трагичным. Плиний Младший сохранил для нас рассказ о нем, который показывает, насколько поэт доверял суждениям партера. Когда его друзья делали критическое замечание, с которым он не считал нужным согласиться, он говорил: «Я обращаюсь к народу» [20]; и он придерживался своей идеи или изменял ее в зависимости от того, какой эффект она производила на зрителей. Это тот самый Помпоний, которого мы видели в течение семи лет заключенным в тюрьму при Тиберии, поддерживающим скуку своего плена поэтическим развлечением.

Мир в областях вокруг Дуная был нарушен движениями варваров между собой: но римляне принимали участие только для того, чтобы предотвратить распространение огня на страны, находящиеся в их подчинении. Я уже говорил, что Ванний был основан Друзом, сыном Тиберия, королем беглых суэвов, которые сопровождали Марободуя и Катувальда в их

отступлении в римские земли, и которому была передана страна между реками, которые мы называем Марш и Вааг, за Дунаем. Ванний мирно правил более тридцати лет. Но в конце концов то ли деспотическая гордыня князя, то ли беспокойство его подданных привели к революции. Восстание возглавили два племянника Ванния, их поддержали Юбиллий, царь гермундуров [21], лигийцы и другие германские народы. Ванний тщетно умолял о помощи Клавдия, который лишь предложил ему убежище на случай позора, но и слышать не хотел о вмешательстве римского оружия в распри этих варваров. П. Аттелий Гистер, губернатор Паннонии, получил лишь приказ разместить легион и корпус ополченцев, собранных в провинции, на берегах Дуная, чтобы они послужили подспорьем для побежденных и остановили победителей, если те попытаются переправиться через реку.

Поэтому Ванний вынужден был поддерживать войну собственными силами, при поддержке сарматских иазигов [22], что еще не делало его равным противнику. Он хотел избежать сражения, заперев свои войска в крепостях. Но иазиги, сражавшиеся только верхом, не могли смириться с таким способом ведения войны. Они сошлись в схватке, и хотя успех сражения был неудачным для Ванния, он не преминул похвалиться храбростью, с которой вел себя. Он бежал на римском флоте, который прикрывал Дунай. Его клиенты последовали за ним и поселились вместе с ним на землях, пожалованных им в Паннонии. Его племянники Вангио и Сидо разделили с ним королевство и постоянно поддерживали связь с римлянами. Но они не сохранили любви своего народа; по собственной вине или в силу общей судьбы произвольных правительств, как ни лелеяли их, пока они возвышались, когда их господство укоренилось, они стали им ненавистны.

Британия была ареной важнейших римских подвигов во времена правления Клавдия. Я уже описывал, как часть этого знаменитого острова была завоевана этим императором, точнее, его лейтенантом А. Плантий. А. Плавтия сменил в 798 году в Риме Осторий Скапула, который сохранил и расширил завоевания своего предшественника. Прибыв на место, он неожиданно обнаружил, что на него напали соседи римской провинции – бретонцы, которые не торопились предпринимать попытки, в то время как новый полководец с еще незнакомой ему армией должен был бороться и с врагами, и с трудностями сурового времени года, ведь была зима. Осторий, убежденный, что первые успехи решают репутацию, которая на войне имеет неопределимое значение, быстро выступил навстречу варварам, разрубил на куски тех, кто оказал ему сопротивление, рассеял остальных и преследовал их, чтобы не дать им воссоединиться; И, желая обеспечить прочный мир, он взялся разоружить тех, кто относился к нему с подозрением, и охранять переправы через реки Нину и Саверну [23], чтобы прервать всякое сообщение между народами, жившими к северу от этих двух рек, и римской провинцией.

Икенцы, населявшие страны, которые мы сегодня называем графствами Норфолк, Саффолк, Кембридж и Хантингтон, отказались подчиниться этим законам и сдать свое оружие. Причина их отказа была вполне законной, поскольку они добровольно присоединились к римскому союзу, не будучи побежденными силой. К икенцам присоединились другие народы, которые сформировали значительную армию и удачно окопались. Осторий дал им бой и, несмотря на неудачное расположение и мужественное сопротивление врагов, одержал полную победу. Его сын заслужил честь гражданской короны. Поражение икенцев удержало в узде тех, кто колебался между миром и войной.

Затем Осторий проник довольно далеко на остров. Он вошел в земли Кангов, расположенные в северной части княжества Уэльс, и был уже недалеко от Гибернийского моря, когда движения бригантов [24] заставили его вернуться в глубь острова, поскольку он был намерен не предпринимать новых завоеваний, пока не закрепит старые. Ему не составило труда восстановить спокойствие среди бригантов. Но силуры [25] доставили ему немало упражнений: гордый народ, над которым не могли подействовать ни строгость, ни милосердие, и который отстаивал свою свободу с негибимым упрямством. Перед походом на них Осторий основал

колонию ветеранов в Камулудунуме, в земле тринобантов, покоренных его предшественником. Это было сдерживающим фактором для провинции, средством против мятежей и центром, откуда можно было передавать римские обычаи новым покоренным народам. Обезопасив свой тыл созданием этой колонии, Осторий отправился на поиски силууров, которые с нетерпением ждали его.

Они были полны уверенности в своих силах, а кроме того, очень полагались на Карактака, который со времен вступления Плаутия на остров, постоянно отстаивая свободу своей страны с переменным успехом, но с мужеством, которое никогда не ослабевало, приобрел репутацию величайшего военного человека Британии. Этот принц присоединился к ним, а его слава дала им других союзников, так что их армия была значительной по численности. Она также была значительной по пылкости и смелости, которые так ярко сияли в глазах всех солдат, что римский генерал был поражен и лишь с трудом решился вступить в бой. Его люди должны были просить его громко и с уверениями, которые Осторий воспринимал как гарантию победы.

Он не обманулся в своих надеждах. Римская армия преодолела все препятствия, переправилась через реку, прорвалась через грубое, но прочно построенное укрепление и захватила высоту, на которой расположились враги. Силурийцы были полностью разбиты, а жена, дочь и братья Карактака остались в плену. Сам он был вынужден уйти в земли Картисмандуи, королевы бригантов. Картисмандуа, обещавшая ему безопасность, арестовала его и передала римлянам на девятый год от начала войны, то есть в 802 году Рима.

Слава о его имени распространилась за пределы острова, наделав шума до самой Италии и Рима. Людям было интересно посмотреть на человека, который столько лет бросал вызов всем усилиям римской власти. А Клавдий придал ему еще большую известность и пышность, желая почтить его победу, ведь он хотел в некотором роде одержать триумф над Карактаком. Народ был приглашен как на великолепное зрелище. Преторианские когорты выстроились в боевом порядке на равнине перед своим лагерем. Затем длинной вереницей прибыли гости заключенного царя. Они с помпой несли горжеты и другие военные украшения, а также все трофеи, завоеванные Карактаком в войнах между различными народами Британии. Далее шли его братья, жена и дочь. Наконец, появился он сам с благородным видом и уверенным лицом. Остальные смирились перед императором, слезно умоляя о пощаде. Со своей стороны, он говорил как герой.

Если бы я знал, – сказал он, – как быть таким же умеренным в своем процветании, каким была моя удача в своем блеске, я пришел бы в этот город скорее как друг римлян, чем как их пленник, и вы не отказались бы принять в свой союз принца, происходящего из длинного рода царей и являющегося царем нескольких народов. Моя нынешняя судьба столь же славна для вас, сколь печальна для меня. У меня были кони, оружие, богатство и подданные. Стоит ли удивляться, что я потерял столь великие преимущества только вопреки себе? Поскольку вы утверждаете, что обладаете властью над всеми народами земли, следует ли из этого, что все они должны принять рабство? Если бы я покорился без сопротивления, ни моя судьба, ни твоя слава не были бы столь великолепны; а теперь мое испытание будет быстро забыто; напротив, если ты сохранишь мне жизнь, мое имя навсегда станет доказательством и памятником твоего милосердия.

Для древних побежденные всегда были виновны, и оставить их в живых было актом великодушия. Клавдий позволил это Карактаку и его семье. С них сняли цепи, и они отправились выразить почтение Агриппине, которая появилась совсем близко от императорского двора, возвышаясь на помосте, как и Клавдий. Женщина во главе войска, пользующаяся почестями военного командования, была совершенно новым зрелищем в римских обычаях. Агриппине было несложно представить себя частью империи, доставшейся ей от предков.

Затем собрался сенат, и было решено, кто будет петь дифирамбы победе, которая, как говорили, возродила славу Сципиона над Сифаксом, Павла Эмилия над Персеом и других

полководцев, благодаря которым побежденные цари в цепях прошли перед глазами римского народа. Достоверно то, что Карактак был принцем, достойным похвалы за свою храбрость и возвышенный дух. Когда он посетил Рим, великолепные дворцы, наполнявшие столицу вселенной, поразили его своим восхищением. Что! – сказал он сопровождавшим его римлянам, – обладая такими прекрасными вещами, вы жаждете хижин бретонцев?

Осторий был награжден триумфальными украшениями по случаю победы над Карактаком. Но то, что последовало за этим, не оправдало столь блестящего начала. То ли Осторий немного ослабил свою активность и бдительность, решив, что достиг всего с пленением Карактака, то ли несчастье, постигшее столь великого короля, разожгло в сердцах бретонцев жажду мести, и война продолжалась еще более ожесточенно, чем прежде. Силуры выделялись среди остальных своим упорством, и их по-прежнему воодушевляло слово, которое ускользнуло от римского полководца. Они знали, что Осторий сказал, что как сикамбры были уничтожены, а их останки перевезены в Галлию, так и в Британии нельзя ожидать мира, пока народ силуров не будет полностью истреблен. Видя, что надеяться не на что, силуры удвоили свое мужество, одержали несколько побед над римлянами и, поделившись добычей с соседними народами, призвали их защищать общую свободу. Горе Остория от того, что война, которую он считал оконченной, разгорелась с новой силой, заставило его заболеть и умереть. Варвары одержали победу, считая себя победителями полководца, который действительно не был убит в бою, но которому война принесла смерть.

Тацит рассказывает в жизни Агриколы [26], что Осторий заключил союз с местным королем по имени Когидун и расширил государства этого князя, подарив ему несколько городов – древняя римская политика, которая заставляла даже королей служить, чтобы установить рабство. Когидунус всегда оставался верен им.

Дидий сменил Остория. Но в промежутке между смертью его предшественника и его прибытием римляне потерпели еще одно поражение. Легион под командованием Манлия Валенса был разбит силурами. Дидий и бретонцы сговорились предать это поражение огласке: последнее – чтобы напугать нового полководца, если удастся, а он – чтобы подготовить себе оправдание в случае неудачи и приумножить свою славу, если ему все-таки удастся усмирить столь гордых врагов. Дидий не совершил никаких великих подвигов. Он довольствовался тем, что подавлял силурийские расы, которые, похоже, сохранили свою свободу.

Он был вынужден принять участие в гражданской войне, возникшей среди бригантов [27]. Картисмандуа, царица этих народов, заслужив покровительство римлян благодаря услуге, которую она оказала им, выдав Карактака, значительно усилила свою власть. Результатом этого стало богатство, а с богатством пришли роскошь и развращение нравов. Ее мужем был Венусий, которого бретонцы считали лучшим военачальником со времен захвата Карактака. Она презирала такого мужа и предпочла Веллокату, своему оруженосцу. Это привело к образованию двух партий. Венусий, поддерживаемый большинством народа, отстаивал свое право на трон. Картисмандуа, оказавшись слишком слабым, прибегнул к помощи римлян. Дидий не думал, что сможет обойтись без ее защиты, и действительно спас ее от опасности. Но царство осталось за Венусием, а война – за римлянами.

На этом подвиги Дидия в Британии более или менее исчерпываются. Он был уже стар: его честолюбие было удовлетворено почестями, которые он приобрел. Поэтому он сохранял спокойствие и позволил бретонцам управлять собой по своему усмотрению. Он захватил лишь несколько городов, чтобы иметь возможность похвастаться расширением границ своей провинции. Остальные войны римлян в Британии относятся к периоду правления Нерона.

Примечания:

[1] Как видите, я предполагаю двух Артабанов, отца и сына. Таким образом я примиряю Иосифа, согласно которому Готарз был сыном Артабана, и Тацита, который называет Артабана его братом.

[2] Тацит не указывает, откуда был назначен Барданес, несомненно, потому, что этот вопрос был ясен из того, что он говорил в утраченных нами книгах. Я подозреваю, что он царствовал в Армении, которая тогда принадлежала парфянам. Это всего лишь предположение. Столь же вероятно, что он владел Медией, которую часто делили Арсакиды». Филострад, Жизнь Аполлония, I, 21, склоняется к последнему мнению.

[3] Тацит, Анналы, XII, 10.

[4] Зять Германика назывался Луций, а его зять – Каий. Но прежде всего их отличает разница в характере. Луций был более мягким и покладистым, чем талантливый. *Facilitate scerpius quam industria commendabatur*, говорит Тацит, Анналы, VI, 15. Каю, чтобы блистать, не хватало только возможностей.

[5] Великий город Ниневия был разрушен несколькими столетиями ранее Арбаком. Но рядом с его руинами вырос новый город, получивший его имя.

[6] Согласно Иосифу, этот принц принял религию иудеев. Но мы видим, что это не сделало его более хорошим человеком.

[7] Я не могу найти в истории никакой другой жены Радамиста, кроме Зенобии: более того, несомненно, что Радамист был зятем Митридата. Из этого я заключил, что Зенобия, вероятно, была его дочерью».

[8] Тацит, Анналы, XIII, 6 и 37.

[9] Тацит, Анналы, XII, 18.

[10] Флавий Иосиф, Иудейские древности, XIX, 7.

[11] Деяния апостолов, XII.

[12] Флавий Иосиф, Иудейские древности, XX, 2.

[13] Флавий Иосиф, Древности иудейские, XX, 3—5.

[14] Деяния апостолов, V, 37.

[15] Флавий Иосиф, Иудейские древности, XX, 5 и Иудейская война, II, 11.

[16] Suetonius, Claudius, 25.

[17] Тацит, Истории, V, 9.

[18] Тацит, Анналы, XII, 27.

[19] Квинтилиан, *Institutions oratoires*, X, 1.

[20] Это слово является отсылкой к апелляциям, с помощью которых во времена республики люди выносили на суд народа дела, в которых, по их мнению, они были несправедливы по отношению к магистратам.

[21] Гермундуры жили между Дунаем и Салой; лигийцы – по направлению к Висле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.